

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 11



С киноаппаратом на лоса. ...Вдруг лось оглянулся, боязливо посмотрел на Вилли и скрылся в зеленой чаще деревьев...

„Зиф“

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 11

6р. в год за ежем. журнал «Всем. Следопыт» о прил. 24 №№ «Вокруг Света», 12 №№ «Всем. Турист» и 12 многокр. табл. «Народы мира» на обл. жури. 8а границу подписная плата выше на 50%—За перемену адреса—20 коп.

Редакция «Всем. След.» и «Вокруг Света»: Подписка на журнал "Всемирный Следопыт" (только с приложениями по I, по II или по III абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а) и во всех почтовых отделениях, а также письменно.

Москва, Пушкинская, Лубянский, пасс. пом. 63, Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а, тел. 2-32-38); за строку нонп.—3 р.; за страницу—1750 р. (сверх тарифа—госналог 10%)—При многокр. печат.—скидка по соглаш.

10р. в год журн. «Всем. След.» о приложен. (сверх указан. слева) 24 книг полного собрания сочин. Д.ж. ЛОНДОНА (вторая половина; первая половина, вышедшая в 1028 г., высылается за 4 р. 50к.)

СОДЕРЖАНИЕ: Продавец воздуха. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение). V Приключения Дракона. Рассказ Герберта Сасс. V Таежные были: По обычаю предков. Рассказ Ал. Смирнова. V С киноаппаратом на лося. (К рисунку на обложке.) V Шведли мозгами.

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки художника А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ: Научные круги СССР и всего мира заинтересованы необычайными явлениями в атмосфере Земли.

Академии Наук СССР снаряжает экспедицию в Якутию. Один из членов ее, метеоролог Клименко (от лица которого ведется повествование) с проводником-якутом Николой выходят из Верхоянска авангардом для определения маршрута экспедиции, следующей по направлению ветра. В пути Клименко и Никола, услышав призыв о помощи, спасают утопающего в болоте иностранца.

Никола пытается отговорить Клименко от продолжения путешествия: впереди — «ноздря Ай-Тойона» (верховного божества якутов). Подгоняемые все усиливающимся ветром, они взбираются по горному склону. Добравшись до вершины Клименко видит внизу огромный глубокий кратер с «дырой» на дне его.

Ветер срывает Клименко и Николу с площадки на гребне, где они лежали, и устремляет с потоком плотного воздуха в кратер.

Они приходят в себя в долине подземного городка, в плену у спасенного ими англичанина, мистера Бэйли, который ставит их на работу: Николу — на уборке мусора, а Клименко — в лабораторию, в помощь главному инженеру, Энгельбректу и его дочери Элеоноре.

Мистер Бэйли и Энгельбрект — участники пропавшей экспедиции на «Арктике», а городок Бэйли оказывается огромнейшим заводом, тайно изготовляющим жидкий воздух, водород, гелий.

Уверенный, что замыслы Бэйли угрожают безопасности и интересам СССР, Клименко решает бежать. Через выходную трубу, в которой работает Никола, Клименко с ним и другим якутом, Иваном, выбираются ночью на волю, но беглецы втягиваются вентилятором обратно.

Бэйли вызывает Клименко «на суд» и приговаривает его за попытку побега к смерти. В особой камере ученого начинают замораживать, но в последний момент Бэйли «милует» его.

В теплонепроницаемых костюмах Бэйли и Клименко спускаются в подземные пещеры. Бэйли показывает голубое озеро жидкого воздуха и склад маленьких шариков из уплотненного Энгельбректом воздуха, каждый весом больше тонны. Бэйли доказывает, что его план — отобрать у Земли ее атмосферу — реален. Он хочет торговать воздухом и утверждает, что уже торгует с Марсом, где воздуха мало.

Затем Бэйли «для устрашения» ведет Клименко в пещеру-музей, где собраны замороженные мамонт, различные животные и... втянутые ветром люди, жители севера в их национальных костю-

мах и с утварью. Дальше — группа оденевшихся казенных.

Нора вступает с Клименко в союз против Бэйли. Молодой ученый уже влюблен в девушку.

Изменяя тактику, Клименко продолжает работать с Норой, а одновременно осторожно выведывает, где можно, тайны городка. Он заводит дружбу с радистом Люком (пьяницей и шахматистом) и узнает, что Бэйли поддерживает связь с внешним миром, принимая и посылая радиотелеграммы на очень коротких волнах. Крушение «Арктики» было, оказывается, устроено Бэйли после высадки, чтобы замести следы.

От Люка же Клименко узнает, что вследствие буранов и сильных ветров экспедиция Академии Наук отложена до весны...

Норе и Клименко удается устроить побег. Николы: с огромной высоты балкона на внешнем скате кратера Никола прыгает в глубокий снег под обрывом и направляется с письмом метеоролога в Верхоянск. Клименко заранее позаботился о ложных следах, и Бэйли, хотя сперва и арестовывает его, но не казнит, оставив под наблюдением.

От Люка Клименко получает подарок — радиоприемник. Теперь он может слушать по радио Москву.

XV. Мир задыхается...

Недели шли за неделями. Я продолжал оставаться в подозрении у мистера Бэйли, но он не трогал меня. Повидимому он начал убеждать в моей невиновности. Понемногу я перестал беспокоиться за себя. Зато радиовести очень огорчали меня. Недостаток воздуха ощущался все сильнее. Уменьшение атмосферного давления замечали уже не только ученые, но и рядовые граждане.

Прежде всего разреженность воздуха почувствовали жители горных местностей, и многие из них вынуждены были спускаться в долины. А в долинах недостаток воздуха сказался на больных. Астмики начали умирать во время припадков; туберкулезные задыхались, усиленно дышали, ускоряя этим процесс и вызывая кровоизлияния.

Машины, работа которых была рассчитана на обычное атмосферное давление, отказывались служить. Аэропланные моторы давали перебои даже на незначительной высоте. Поршни и насосы машин капризничали. Все это расстраивало производство и транспорт.

В довершение несчастий наступили сильные холода, сопровождаемые

бурями, при чем бури эти носили странный характер. Смерчевые вихри носились, как вестники смерти. Как будто чья-то злая рука спешила лишить Землю ее атмосферы, сворачивала воздушные струи в «жгуты» и бросала их за облака. А оттуда, с надзвездных высот, спускались на Землю ледяные потоки холода. Земля остывала. Лишенная значительного слоя своей толстой атмосферной шубы, Земля начала усиленно отдавать мировому пространству свое внутреннее тепло.

Катастрофа наступала скорее, чем можно было ожидать, судя по огромным запасам воздушного «сырья».

Я спросил у Норы, отец объясняет ее отец наступление всех этих грозных явлений. Нора ответила, что для ее отца и мистера Бэйли все это явилось повидимому некоторой неожиданностью.

— Отец даже хотел с вами поговориться, — сказала Нора. — Ведь это больше относится к вашей специальности.

И я удостоился чести быть пригла-



В продаже появились маски, подобные противогазовым, и в этих масках появлялось все больше народа в общественных местах...

шенным к Энгельбректу. На совещании присутствовал и Бэйли. Он нисколько не был огорчен происходящим в мире, скорее наоборот: продавец воздуха находился в приятном возбуждении, как игрок, уверенный в своих картах.

Совещание наше длилось довольно долго. Мы делали различные подсчеты и пришли к выводу, что воздух, переработанный в подземном городке, составляет еще слишком небольшую часть атмосферы, и убить его из общей массы окружающего Землю воздуха не могла непосредственно вызвать столь катастрофических явлений.

— Но в чем же дело? — спросил Бэйли, поглядывая на меня и Энгельбректа.

Наконец-то я мог уравнивать наше положение! Мистер Бэйли нуждается в моем мнении! Я напустил на себя самый глубокомысленный вид и высказал свое мнение:

— Вентиляторы мистера Бэйли изменили обычные направления ветра, вследствие чего на земном шаре изменилось и «натяжение» атмосферной оболочки: воздух уплотнился там, где обычные воздушные течения совпали с искусственно созданным исправлением, и разрежился в местах, где раньше существовали противоположные воздушные течения. Вследствие этого увеличилась разница между максимумом и минимумом атмосферного давления. Циклоническая деятельность усилилась. Сталкивающиеся циклоны стали увлекать воздушные вихри вверх, выше области их обычного влияния. Таким образом нарушилась обычная циркуляция воздуха не только по горизонтали, но и по вертикали...

Я видел, что Бэйли и Энгельбрект слушали мое объяснение с напряженным вниманием.

— Возможно, что эта картина и не совсем точно соответствует действительности, — закончил я, — но в основном, я думаю, мое предположение верно. Основная же моя мысль заключается в том, что вентиляторы мистера Бэйли, нарушив обычную циркуляцию воздуха, явились толчком к тому, чтобы в игре приняли участие стихийные силы... Вы, мистер Бэйли, похожи на доктора Фауста, который вызвал Духа Земли, но не мог с ним справиться.

Сравнение с Фаустом было принято Бэйли благосклонно. Он усмехнулся и сказал:

— Фауст был совершенно непрактичным человеком. Пусть «Духи Воздуха» играют на свободе. Все дело в том, чтобы использовать эту

игру наиболее выгодным для себя способом.

На этом наше заседание закончилось.

А радио приносило все новые вести. Перед лицом ужасной катастрофы борьба за существование обострилась. Если не выжить, то пережить других должны были сильнейшие. А сильнейшими в мире капитализма были, конечно, капиталисты.

Снабдил ли их сам Бэйли «воздушными консервами», начали ли богачи самостоятельно добывать жидкий воздух, чтобы не умереть от воздушного голода, — как бы то ни было, но в руках капиталистов оказалась эта новая, самая дорогая валюта. Жидкий воздух победоносно выступил на рынок, заставив пасть перед собою ниц все другие ценности. Жидкий воздух продавался в особой упаковке, гарантирующей от взрыва и испарения.

На новую валюту богачи начали скупать продукты питания и всевозможнейшие консервы. Охлажденная Земля повидимому не могла больше рождать плодов и злаков. Сельское хозяйство и животноводство должны были погибнуть. Больше всех мог прожить тот, кто собрал наибольшие запасы питания, воды, воздуха и тепла. Надземное строительство прекращалось. Кое-где люди начали уже зарываться в землю, как кроты. Там было теплее: внизу, в герметически закрытых квартирах, можно было свободно дышать, постепенно используя запасы жидкого воздуха.

Удивительно, до чего быстро развевались события там, вдали от нашего городка!..

Вся эта лихорадка эгоистических мер самосохранения протекала на глазах рабочих, которые во многих местах начали уже волноваться. Ссылаясь на то, что ветер со всех концов земного шара тянул в ледяные пустыни Сибири, буржуазная, а за нею и соглашательская печать убеждала, что ужасная катастрофа, постигшая мир, была делом московских коммунистов, которые решили таким путем «поставить на колени» мир.

Безумие охватило весь мир. Европа и Америка лихорадочно вооружались для войны с «извергами человечества».

А капиталисты продолжали свою политику. Рабочие отказывались получать деньги, все более обесценивавшиеся, и требовали «воздушной платы». Капиталисты вынуждены были пойти на эту уступку, однако они установили чрезвычайно низкую норму: жидкий воздух отпускался в

особых «термических» баллонах с таким расчетом, чтобы рабочие не могли делать запасов. Так как воздуха во многих местах (особенно в Западной Европе, Африке и Америке) уже не хватало, то рабочим ничего больше не оставалось, как работать за право дышать. В продаже появились маски, подобные противогазовым, и в этих масках появлялось все больше людей в общественных местах. Но так как маски не были снабжены радиостанциями, как скафандры нашего подземного городка, то люди могли изъясняться только жестами.

«Это и к лучшему, — откровенно говорили фашисты, — меньше будет агитации». — Впрочем, люди состоятельных слоев обзавелись портативными радиотелефонами. Ими же была снабжена полиция.

Но агитаторы все же умудрялись вести пропаганду при помощи листовок. Классовая борьба резко обострилась и как-то сразу обнажилась. Напряжение дошло до крайних пределов. В разных местах вспыхивали «воздушные бунты»: толпа нападала на склады жидкого воздуха и громила их. На улицах уже пролилась кровь...

Я не спал ночи напролет, слушая радио. Было от чего притти в отчаяние. Даже мистер Люк потерял свою обычную беспечность. Он по привычке заходил ко мне после дежурства, но без шахмат.

— Скверные дела, — начал он ворчать. — Что толку в деньгах, которые скопил я у мистера Бэйли? Деньги ничего не стоят. Положим, за баллон, даже за бутылку жидкого воздуха я могу купить хорошенький домик. Но зачем теперь мне этот домик? Земля задыхается...

— Кто же в этом виноват? — раздраженно спросил я.

— Паникеры и спекулянты, — ответил он.

— А паника из-за чего?

— Из-за глупости. Хватило бы на наш век воздуха. Мистер Бэйли всего не сожрал бы.

Нет, Люка не привлечешь на свою сторону. Даже перед лицом мирового несчастья, он остался все тем же: домик и собственное благополучие у него попрежнему были на первом плане. Люк начал действовать мне на нервы. Я делал вид, что у меня болит голова или много работы, и старался скорее отделаться от него, чтобы засесть за свой радиоприемник.

Нервы мои совсем расшатались. Работа валилась из рук. Нора также чувствовала себя плохо. От ее

прекрасного румянца не осталось и следа. Бледная, похудевшая, сидела она, устремив глаза в одну точку.

— Все гибнет... — тихо шептала она. — Мы дышим здесь чистым, насыщенным кислородом воздухом, а там—там гибнут люди, задыхаются дети... И никто из них не знает о причине...

Пришел день, когда я решил ответить ей, как должен был может быть ответить давно:

— Они узнают,—сказал я. — Никола погиб, это очевидно. Сегодня ночью я отправлюсь в путь... Мистер Бэйли занят своими американскими «конкурентами» и новой перестройкой, надзор ослаблен, и я думаю, мне удастся бежать...

Нора повернула ко мне лицо и, как сомнамбула, беззвучно сказала:

— Вы тоже погибнете, как Никола.—И в ее лице было выражение безнадежности, почти равнодушия.

— Пускай погибну. Лучше смерть, чем это ужасное бездействие в то время, когда тысячи людей близки к гибели.

— Да, лучше смерть, чем это... — так же беззвучно проговорила Нора.

В этот день она рассталась со мной без обычной улыбки. С каждым днем ее улыбка бледнела, делалась все более пе-

чальной и теперь, наконец, угасла, как и ее румянец...

— Прощайте, — сказал я, протягивая ей руку.

— Прощайте, — ответила она.

— Вы... придете провожать меня? На площадку?

— Приду, — ответила она. — Куда? На площадку? Ах, да, да... — и она опять поникла головой.

XVI. Игра начинается.

Я оставил девушку и тихо вышел из лаборатории.

Вернувшись в свою комнату, я устало опустился на стул. Я чувствовал себя опустошенным. Обрывки мыслей проносились в голове. Никола

ная информация о Земле, которая задыхается. У нас, правда, не так, как за рубежом... Нет звериной борьбы за последний глоток воздуха. Правительство делает все, чтобы уменьшить панику и спасти население. Но что можно сделать!.. Положение разбросанного по деревням крестьянства особенно тяжелое. Неужели гибель?..

Я уже хотел положить трубку, как вдруг услышал весть, от которой у меня захватило дыхание.

«...— Больше бодрости, товарищи! Правительством сегодня получено чрезвычайно важное сообщение, которое в корне может изменить положение...»

И, повысив голос, диктор отчетливо сказал:

«— Алло! Алло! Ноздря Ай-Тойона! Есть!» — Потом своим обыкновенным голосом диктор добавил:

«— Вам, товарищи, непонятно это обращение, но скоро вы все узнаете о ноздре Ай-Тойока и вздохнете — в буквальном смысле слова — вздохнете с облегчением».

Первый вздохнул с облегчением!

«Ноздря Ай-Тойона—есть!» — Это были условные слова, которые и просил мне сообщить по радио в том случае, если Николе удастся передать письмо моему заместителю Ширяеву. А Ширяев должен был передать мой доклад в Москву. Итак, Никола жив, и правительство знает все о подземном городке мистера Бэйли!

Я быстро оделся и побежал на площадку. Норы еще не было. Небо пело огнями. И мне казалось, что эта песнь была уже не такая холодная, чуждая земле. Мне самому захотелось петь, кричать. И я вдруг запел, впервые за долгое время моего заключения:

— За благом вслед идут печали,
Печаль же ра-адости залог...

— Вы с ума сошли! — услышал я за собою голос Норы. — Вас могут услышать. Петь на морозе?! Вы простудите горло.

— Да, я с ума сошел! Пусть услышат. Пусть простужу горло. Никола жив! Ноздря Ай-Тойона! Есть...

— Что с вами, Георгий? — впервые назвала меня Нора по имени.

Я вдруг схватил ее, поднял на воздух и закружил по площадке.

— Сумасшедший! Пустите меня и расскажите, в чем дело.

— Ух, слушайте. Все прекрасно. Я получил весть по радио. Никола жив! Он отнес мое письмо по назначению. Мы должны ждать скорого наступления событий. Пленен-



На вершинах кратера появились сторожевые вышки с установленными на них «радиоушами», улавливающими звуки приближающихся аэропланов...

погиб. Мир гибнет. Гибнет Нора... она скоро сойдет с ума...

Машинально, по привычке я надел наушники радио.

Говорил «Коминтерн»... Нет музыки, нет, веселых песен... Бесперыв-

ный воздух скоро будет освобожден. И мы с вами скоро взлетим на воздух! Но это ничего. Постараемся бежать в последнюю минуту, когда над нами зареют бомбовозы. О, это будет великолепный день!

— Георгий, неужели это правда?—воскликнула она, и румянец вновь показался на ее щеках.

Ее радость была не меньше моей. Однако скоро сияющее лицо девушки омрачилось. Я уже мог безошибочно читать все оттенки выражения этого лица. Она опять думала об отце. Его поведение все еще оставалось для нее мрачной загадкой. Потом мысли Норы приняли другое направление.

— Вам пока не надо отправляться в опасное путешествие, — сказала она.—Это хорошо. Но вообще радоваться нам еще преждевременно. Мистера Бэйли не так-то легко победить. Он будет защищаться до последней крайности. Он страшный противник.

— Пустяки!—крикнул я.—Не может один человек устоять против сил всего государства, против мира.

— Как знать?—ответила Нора.—Вы не можете вообразить, какими страшными орудиями разрушения обладает мистер Бэйли.

— Но по крайней мере это будет борьба, а не безропотное подыхание. И потом... у мистера Бэйли есть «внутренние враги». Правда, их немного, но они могут быть опаснее вражеских армий.

— Этих внутренних врагов только двое: вы и я,—сказала Нора.—Но вы правы. Они могут сделать много. О, если бы и мой отец!..—Она опустила голову.

Потом вдруг выпрямилась и решительно сказала:

— Настанет минута, и я поставлю отцу прямой вопрос: друг он, или враг...

Ледяной ветер вдруг потянул снизу. Из кратера послышалось гудение.

— Вентилятор опять заработал,—сказала Нора.—Мистер Бэйли спешит переработать остатки воздушного сырья. Холодно... Идем...

В этот вечер я простился с Норой, унося с собою воспоминание о ее улыбке.

Как будто я увидел солнце после долгой зимы.

И опять я уселся за радиоприемник.

«Коминтерн» передавал последнее правительственное сообщение.

Начальнику экспедиции Ширяеву удалось установить центр направления ветров. Правительство снаряжает новую экспедицию для полного выяснения причин необычайного поглощения воздуха на такой-то широте и сто тридцать пятом градусе восточной долготы.

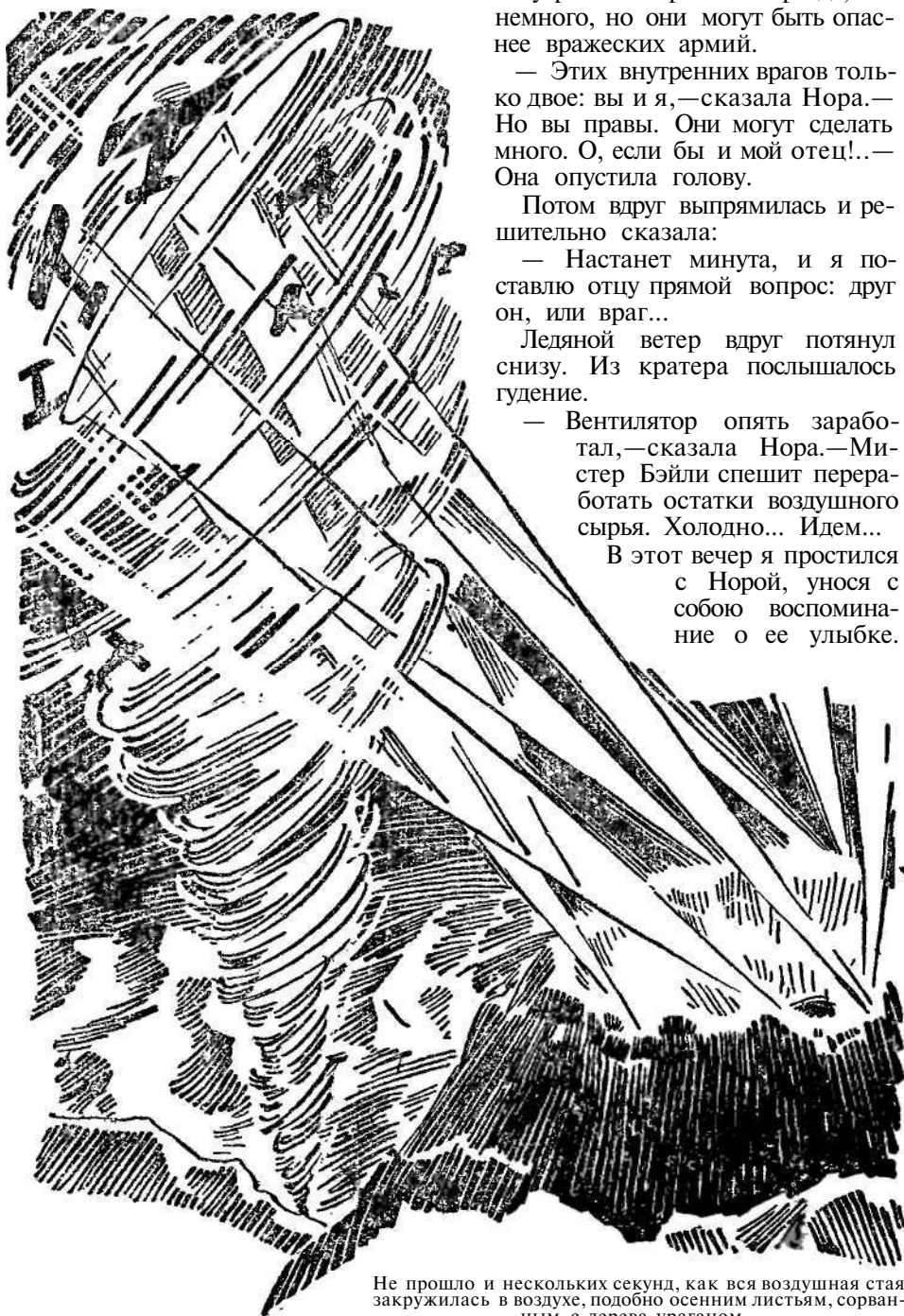
Я улыбнулся, выслушав это сообщение. Я знал, что Ширяев никуда не двигался из Верхоянска. Честь открытия «точки поглощения воздуха» была приписана ему по моему совету, чтобы отвести от меня подозрение мистера Бэйли, которому, конечно, будет передана эта важная радиотелефонограмма. Я представлял, как взбесится мистер Бэйли, узнав, что местоположение его подземного городка уже открыто. Это должно показаться ему тем Солее правдоподобным, что его мощные вентиляторы некоторое время действовали, и работники экспедиции могли довольно близко подойти к кратеру, без риска Сьпь втянутыми воздушным потоком.

Как обычно, наше правительство действовало быстро и решительно. К сожалению я ничего не мог сообщить Реввоенсовету о вооруженных силах мистера Бэйли: это для меня оставалось тайной. Мне удалось только узнать, что население городка не превышает пятисот человек. Меня сначала удивляло такое небольшое количество рабочих и служащих. Но у мистера Бэйли все было механизировано и рационализировано до последней возможности.

Пятисот человек против целой армии — ничтожная горсточка! Но какие машины истребления пустят в ход эти люди? Я мог только предупредить наших бойцов, что борьба предстоит трудная и надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Так или иначе, развязки ждать не долго. Карты сданы, игра начата...

Мистер Бэйли приказом объявил городок на военном положении. «Гарнизон» подготавливался к осаде. На гребне кратера появились сторожевые вышки с установленными на них «радиоушами», улавливавшими звуки. В склонах с внешней стороны кратера открылись люки, о существовании которых я не знал, и иллюминаторы с толстыми стек-



Не прошло и нескольких секунд, как вся воздушная стая закружилась в воздухе, подобно осенним листьям, сорванным с дерева ураганом...

лами. Грозные дула пушек выглядели из отверстий люков. Как будто облегчая путь врагу, гигантские вентиляторы опять бездействовали.

Приближалась весна. Стояла тихая, безветренная погода. Солнце после зимней спячки начало выглядывать из-за горизонта, освещая снежные вершины гор багровым светом.

Настали дни напряженного ожидания. Но в городке не чувствовалось особого оживления. Он казался таким же безлюдным и мертвым, как всегда. Работы в лабораториях не прекращались. Но повидимому лаборатории и мастерские работали теперь «на оборону». Бесперывно сновали подъемники, доставляя снаряды на скрытые батареи. Машины заменяли целые армии людей.

Я и Нора попрежнему занимались в нашей лаборатории, превращая длинные столбцы формул профессора Энгельбректа в новые способы обработки и переработки нашего воздушного «сырья». Мы проделывали ряд опытов, не зная их конечного синтеза, их результатов и целей. Это очень озабочивало Нору. Быть может, мы способствовали изготовлению новых способов истребления человечества? На вопросы Норы отец не отвечал ничего определенного.

Вечерами мы с Норой выходили на нашу площадку и наблюдали пустынное небо. Летучих вестников не было (я был убежден, что новая «экспедиция» появится на крыльях). Главные воздушные силы СССР находились далеко от нас, и я высчитывал, как скоро они могут быть сюда переброшены. По моим расчетам должно было пройти еще несколько дней, прежде чем аэропланы зареют над нашими головами, неся нам смерть, но человечеству освобождение...

— Смотрите, как будто у орудий появились люди,—сказала в один из этих томительных вечеров Нора.

Я посмотрел на темные люки и увидел движущиеся тени. Очевидно, радиоуши уловили приближение аэропланов, и защитники городка готовились к воздушной атаке.

Мы с волнением ожидали, что будет дальше. Кругом все было тихо. Солнце зашло за горизонт, и только ущербленная луна тускло освещала дикий пейзаж, расстилавшийся у наших ног. Было холодно, но мы не уходили.

Прошло не менее часа. И вдруг яркий свет ослепил нас. Десяток огромных прожекторов вспыхнул

кольцом вокруг кратера, далеко освещая окрестности. Из полярной ночи мы как будто перенеслись в сияющий тропический полдень. Когда глаза привыкли к свету, мы увидели на горизонте несколько серебристых стрекоз. В то же время уши наши уловили едва заметный рокот моторов.

— Летят, — в волнении сказала Нора.

— Да! — тихо ответил я, следя за тем, как далеко на западе маленькие стрекозы превращались в ласточек, ласточки в соколов... Все ближе, ближе... Раз, два, три, четыре... пять, шесть... семь, восемь, девять, десять. Целая стая, расположенная журавлиным строем!..

— А вот еще там, смотрите! — вскрикнула Нора.

С юга приближалась такая же эскадрилья.

— И с севера!..

Рокот моторов уже наполнял собою воздух, отдавался в долинах, возвращался эхом. Западная эскадрилья продолжала лететь по прямому направлению на кратер, а северная и южная медленно загибали на восток, так, чтобы пройти над городком, сбрасывая бомбы, следом за первой эскадрилей...

— Скоро от нас ничего не останется! — сказала Нора.

Я вспомнил о нашем плане побега, но продолжал стоять и смотреть как прикованный.

Аэропланы уже настолько приблизились, что при ярком свете прожекторов я мог различить красные заезды на нижней стороне крыльев.

— Странно, — сказала Нора. — У мистера Бэйли должны быть дальнобойные пушки. Аэропланы уже на расстоянии выстрела, почему же городок молчит?

— Вам хочется скорее видеть подстреленными эти птицы? — шутя спросил я.

— Я скорее хочу видеть развязку... так же, как и вы.

Да, это была правда. Я сам был во власти нервного нетерпения — узнать неотвратимое, увидеть скорее силу оружия мистера Бэйли. И ждать нам пришлось не долго. Люди на батареях засуетились, затем я заметил движения, сопутствующие выстрелам из орудий. Но я не услышал никакого звука.

— Это пневматические пушки, и стреляют они воздушными бомбами,—пояснила Нора.

— Воздушные бомбы? Что это? — спросил я, напрягая зрение, чтобы

не пропустить момента, когда снаряды достигнут аэропланы.

Но действие воздушных бомб оказалось иное.

— Смотрите не вверх, а вниз,—сказала Нора.

Я посмотрел вниз и увидел, как по белой поверхности снега вздымается снежная пыль.

— И только-то!..—Я готов был улыбнуться.

Но что это?.. Снег как будто закипел в месте падения бомб. Поднялись огромные клубы пара, и вдруг со страшным ревом, свистом, шумом от земли поднялись смерчи. Снежный витой столб взлетел, казалось, до самого неба, начал быстро расширяться, расти, в то же время расплываясь и превращаясь в бешеную снежную пургу. Бэйли поднял снежную бурю! Я посмотрел на аэропланы. Белая пелена приближалась к ним с необычайной скоростью. Вот головной аэроплан вдруг стал на дыбы, завертелся и полетел назад, как кусок бумаги, гонимый самумом...

Второй, третий... Не прошло нескольких секунд, как вся воздушная стая закружилась в воздухе, подобно осенним листьям, сорванным с дерева ураганом...

Серая мгла затянула небо.

Когда она постепенно рассеялась, небо было так же пустынно, как всегда. Месяц зацепился острым краем за пик скалы—будто он боялся разделить судьбу аэропланов—и уныло смотрел на мертвые склоны...

Я стоял пораженный, тяжело дыша. Меня била лихорадка. Нора прислонилась к стене и, бледная, смотрела расширенными глазами туда, где за несколько минут перед тем гордо реяли стальные птицы. Потом она тяжело вздохнула. В ее словах была знакомая безнадежность:

— Трудно бороться с мистером Бэйли... Вот результат...

— Это не конец, это—начало!—сказал я, но, признаюсь, в эту минуту сомнение в успехе вползло в мои мысли.—Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше нечего смотреть,—ответила Нора.—Нужно быть безумным, чтобы решиться на вторичную атаку.

Нора оказалась права: атака не возобновлялась. Надо было время, чтобы оправиться от удара и учесть опыт первого сражения.

Но мы продолжали стоять, глядя на запад...

(Продолжение в следующем номере)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРАКОНА

Рассказ Герберта Сасс

И на верховьях и в дельте Семи Рек о нем ходили мрачные легенды. Он был известен как полумифическое существо, как химера — от Твикенгама до Снеггеди-Свампа, от приморского Санчос-Пойнта до лагун Лошадиной Саванны. Повсюду в памяти людей оставался кровавый образ чудовища.

«Драконом» его прозвал Харрод. Это прозвище пришло на ум Харроду в то июльское утро, когда он впервые увидел чудовище. Встреча была трагическая, породившая непримиримую беспощадную ненависть между человеком и животным.

Он удил рыбу в Тупело-Крик километра на три пониже его дома на плантациях. Плот стоял в прибрежной тине под черными стволами каучука, и Харрод, сидя на плоту, не столько следил за поплавком, застывшим на глади темной воды, сколько наблюдал кипучую жизнь леса и реки. В кустах хлопчатника, склонивших над водой пушистые белые плюмажи, тут и там шныряли иволги и дрозды. Теплый воздух вздрагивал от птичьего писка; из соседних болотистых зарослей доносилось воркованье лесных голубей, стук красногрудого дятла, веселый свист желтошеих дроздов. С прибрежного дерева сорвалась пара диких уток и быстро пролетела по направлению к болотам, на охоту за лягушками. Птичьи голоса звучали так весело и беззаботно, что чувство глубокого покоя и безопасности охватило Харрода.

Он неподвижно застыл при виде изящной лани, грациозно вышедшей из зарослей хлопчатника на другой стороне потока, шагах в тридцати ниже. Одно мгновение лань стояла неподвижно, ее узкие ноздри втягивали воздух и коротенький хвостик нервно вздрагивал. Потом она медленно пошла по маленькому песчаному полуострову, остановилась и оглянулась. Тогда из зарослей выглянул двухмесячный теленок и быстро подбежал к матери. Несколько минут оба стояли бок-о-бок на берегу, живыми черными глазами осматривая берега потока. Вдруг Харрод ощутил странное желание поднять руку и нарушить очарование. Но усилием воли он подавил в себе этот импульс и остался неподвижен, впившись взором в изящных животных.

Все последующее случилось так быстро и внезапно, что Харрод не

сразу сообразил в чем дело. Из потока вынырнуло отвратительное черное тело, длинное, толстое, бугристое, и с невероятной быстротой выскочило на песок. В одно мгновение теленок был сброшен в воду. Около него показалась страшная голова Дракона, сверкнули белые острые зубы, и вместе с теленком чудовище исчезло в черном водовороте.

Харрод следил, затаив дыхание, не веря своим глазам. Он хорошо знал повадки аллигаторов: они водились в лагунах и в глубоких лесных речках страны плантаций, где он провел большую часть жизни, и он всегда считал аксиомой, что аллигаторы не нападают на оленей. Раза два он слышал о том, что крокодил унес теленка, но никогда не мог добиться подтверждения этих слухов. Он знал, что в первые месяцы охотничьего сезона, прежде чем рептилии заберутся в свои зимние логова, олени, спасаясь от охотничьих собак, часто переплывают реки, но никогда еще крокодилы не нагнали до такой степени, чтобы нападать на них. Знал он также, что крокодилы не прочь полакомиться кроликами, зайцами и другими обитателями болот. Однако одним из законов леса он считал нерушимый союз между крокодилом и оленем.

Харрод возвращался домой в глубоком раздумье. Произошедшее приобрело для него неожиданно большое значение: оно заставило его подвергнуть критике те представления, что прочно и, казалось, непоколебимо сложились в его сознании. Нужно было пересмотреть все законы леса. Кроме того сегодня он видел самого большого аллигатора в своей жизни. Перед ним лишь на мгновение мелькнул толстый, защищенный роговой броней хвост, который смел теленка в воду, и уродливая голова, но Харрод успел на глаз определить размеры чудовища: метров пяти в длину или даже больше.

Этого одного было достаточно, чтобы заинтересовать Харрода, а похищение лани подвинуло его на смелое решение: он поклялся уничтожить опасную гадину. Харрод сам убивал оленей, но всегда самцов; за десять лет он не убил ни одной самки и отрезал бы себе руку прежде чем убить теленка. То, что ему удалось увидеть сегодня в Ту-

пело-Крик, было подлое убийство, и часть вины падала на него, поскольку он не послушался внезапного импульса, не спугнул ланей и остался бездействующим наблюдателем.

Он прозвал чудовище «Драконом» и поклялся, что настанет день, когда он всадит пулю ему в череп.

* * *

Дракон был стар еще тогда, когда Харрод впервые с ним встретился. В сухих ямках на большом болоте его мать положила яйца и покрыла их листьями и хвоей; через некоторое время солнце подогрело яйца, и тридцать пять братцев и сестриц начали свою полную приключений карьеру.

Что случилось с его братьями, Дракон так никогда и не узнал да и не интересовался этим. Как только свежий выводок беспорядочной стайкой вышел в лагуну, старый крокодил, который возможно был папашей Дракона, медленно двинулся, прямо на малыша, устремив на него пристальный взгляд холодных серо-зеленых глаз. Быть может намерения патриарха были самые благожелательные, но инстинкт заставил новорожденного крокодыльчика быстро скользя в сторону и забиться как можно глубже в ил.

Здесь он вылежал некоторое время, наслаждаясь солнечным теплом, потом прорыл ход в мягком иле, скользнул опять в лагуну и, проплыв метров сто, выбрался на берег. Если позже он и встречал братьев и сестер, он не узнавал их среди сотен других юных черножелтых аллигаторов, которые ему попадались в болотистых лагунах и мелких речках.

Ему пришлось пережить множество приключений, избежать немало опасностей. Он научился бояться черепаш, высоких голенастых птиц с острым длинным клювом и больших рыб с огромной пастью. Рос он быстро и прибавился на десять сантиметров к тому времени, когда наступившие холода заставили его зарыться поглубже в ил и крепко заснуть до весны. К концу следующего лета он стал вдвое длинней. Мелкие рыбешки, лягушки и головастики служили ему пищей. Года шли, он становился все сильнее и прожорливее, а его стол — все обильнее и разнообразнее, при чем глав-

ное место в нем занимала рыба всех сортов. Он специализировался также в ловле диких утят и водяных курочек, а к тому времени, когда достиг двух метров в длину, уже научился справляться и со взрослыми болотными птицами. В одном только отношении он резко отличался от представителей своей породы, ленивых обитателей болот: с самого начала он был путешественником, бродягой, искателем новых охотничьих областей.

В своих странствованиях он забирался далеко. Перебравшись из притока в приток, иногда делая небольшие переходы по суше. Когда однажды Дракон случайно набрел на широкую реку, он, не раздумывая, пустился в путь, и течение унесло его на много километров вниз. Так плыл он, пока пресная вода реки не смешалась с соленой водой океана и не появились рыбы новых, неведомых пород. Он провел некоторое время в месте слияния пресной и соленой воды, потом пустился дальше к морю вместе с отливом, пока не достиг просторных соленых отмелей за барьером прибрежных острогов. Здесь он свернул в сторону от реки, в один из соленых рукавов дельты, из этого потока перебрался в другой, затем в третий к таким образом достиг другой реки. Он поплыл далеко вверх по ее течению, пока не оказался опять в ленивых водах болот, откуда берет начало река. Здесь он пролежал в полузабытьи с начала октября по март в пустой крокодильей берлоге под рисовым полем. С наступлением теплой погоды снова начались его странствования. И так продолжалось каждую весну, каждое лето, пока во всем районе Семи Рек не осталось ни одной реки, потока или лагуны, где бы не побывал неутомимый Дракон.

Все это происходило задолго до того, как Харрод увидел Дракона. Тогда он не поража своей величиной, и у него еще не выработался вкус к ловле исключительно теплокровных животных; голос его, когда он выл весной, был не громче и не резче чем у других. Шли года, с ними приходили опыт и сила, и Дракон удачно пережил все случайности и опасности жизни путешественника.

В прежние дни, когда оружие белого человека не заменило еще лука краснокожего, аллигаторы пяти-шести метров в длину встречались нередко, но теперь едва ли можно встретить крокодила длиннее четырех метров: рано или поздно пуля

находит уязвимое место в броне пресмыкающегося.

Но Дракон, носивший в своем теле не одну пулю, все же выжил. Он благополучно перерос четыре метра и продолжал расти хотя в последнее время больше увеличивался в ширину чем в длину. Когда Харрод впервые увидел его, он имел пять метров от носа до кончика хвоста.

* * *

В следующие недели Харрод вновь услышал о Драконе; это были отрывистые вести о чудовище, появлявшемся то тут, то там. Конечно у него не было уверенности, что все это подвиги одного и того же аллигатора; но мало-по-малу он пришел к убеждению, что всюду речь шла именно о Драконе.

Во всех этих рассказах были удивительно сходные пункты. Двое других людей видели то же самое, что Харрод наблюдал в Тупело-Крик: колоссальный хвост крокодила смел в воду сосунка оленя, исчезнувшего в гигантских челюстях. Еще один человек рассказывал, как годовалый козленок, спасавшийся выплав от собак, вдруг исчез в потоке. Четвертый рассказывал, как после исчезновения пяти баранов он устроил засаду на берегу реки и послал пулю в громадного аллигатора. Негр, проходивший лунной ночью через сосновый лес, встретил на тропинке аллигатора величиной с быка, и Харрод решил, что это Дракон путешествовал по суше из одного потока в другой.

После всех этих рассказов Харрод пришел к следующим выводам. Вопреки обычаям своей породы Дракон любил странствования и редко оставался долго в одной местности. Дракон привык к теплокровным жертвам, и на его совести были не один олень и баран. Обычный способ его охоты—лежать неподвижно у водопоя, куда приходят животные, и быстрым ударом хвоста сбрасывать жертву в воду.

Этим летом Харрод с винтовкой наготове стал проводить целые дни на Тупело-Крик у водопоев. Но за все лето Дракон больше не появлялся.

В половине сентября, когда с моря подул соленые ветры, Харрод оставил Тупело и поселился в маленьком коттедже на отмели соленого потока Джереми, куда из-за песчаных дюн доносился рокот Атлантического океана.

Первые три дня Харрод бездельничал, лениво осматривая незнако-

мую местность. Несмотря на то, что плантации Тупело находились всего в каких-нибудь шестидесяти километрах, здесь был совершенно новый мир. Вместо сосновых лесов тянулись зеленые прерии, огражденные от океана узенькой полоской берегового барьера. Здесь жили бесчисленные цапли и дергачи, караваек носились полчища, и вереницы ибисов парили в вышине.

Харрод привез с собою двух собак—английских сеттеров; один из них был белый лаврак с черными пятнами, другой шенок—белочерный левеллин с ободками вокруг глаз. С этими спутниками он бродил по островам, порою забрасывая в омут леску, чтобы вытянуть большого бронзового подкаменного окуня, или в легкой плоскодонной гичке скользил по бесчисленным каналам широкой дельты.

На четвертый день его пребывания в Джереми признаки осени вдруг исчезли, и воздух снова задышал распаленным дыханием лета. Харрод целые дни проводил в праздности; любимым его местом была маленькая терраска дома, где он сидел, вдыхая соленый ветер океана, находившегося не дальше чем в километре.

На песчаной площадке перед домом расположилась на отдых стайка штук в шестьдесят коричневых караваек, около них сновали проворные кулики и чибисы, и пара устрицеловов с пурпурными крыльями торжественно плясала на песке.

Харрод лениво наблюдал птиц, когда из Джереми-Крик вдруг выплеснулась рыба не более чем в десяти метрах от террасы. Харрод взял удочку, складной стул и, устроившись на берегу, лениво забросил в тихое течение леску с улиткой в качестве наживки. Так сидел он минут пятнадцать. Рыба не клевала, и Харрод погрузился в полудремоту. Около него спали собаки.

Зеленая муха зажужжала над головой шенка-левеллина. Шенок проглотил муху, потом поднялся, подошел к потоку и бросился в воду. Харрод с удовольствием смотрел на него. Он любил собак, которые охотно идут в воду, но на плантации шенок плывал с большой неохотой. Там пресноводные потоки и речки, черные или бурые как вино, вытекавшие из болот, таили в себе неведомые опасности, но здесь, близ океана кристально ясные воды разумеется были вполне безопасны. Левеллин выплыл на середину потока, поток повернулся и поплыл к берегу

медленно, наслаждаясь прохладой купанья. И вдруг, когда пес был в каких-нибудь пяти метрах от Харрода, ленивые воды вспенились, показалась страшная черная голова, и раскрылись огромные челюсти с короткими кривыми зубами.

Шенок так никогда и не узнал, кто с ним покончил. От собаки и следа не осталось, и снова поток был спокоен.

Харрод бросился в дом за винтовкой, но было поздно.

* * *

Так второй раз Дракон дал Харроду трагический урок, и снова Харрод горько упрекал себя за непредусмотрительность. Но он не был виноват. Крокодилы, которые кишат в реках у болот внутри страны, никогда не появляются в дельтах у самого океана.

Некоторые утверждают, что аллигаторы не могут жить в соленых водах. Это неверно. Другие говорят, что аллигаторы не заходят сюда,

боясь касаток и дельфинов трех-четырех метров длины, проворных как гончие, которые иногда заплывают в дельту подкормиться улитками.

Харрод не знал, что Джереми-Крик, протекавший мимо его дома, был исключением из общего правила. Во-первых, выше он соединялся с рекой, берущей начало в болотах в глубине страны, во-вторых, устье его было очень узко, и сюда сравнительно редко заходили касатки, разве только во время больших разливов. Не мог он также знать, что Дракон имел обыкновение посещать прибрежные области.

Из всех прибрежных потоков Джереми-Крик был излюбленным местом охоты Дракона. К касаткам он относился с холодным равнодушием. Большая стая касаток могла бы напасть на него, но маленькие стайки, иногда заходившие в Джереми-Крик, отступали перед пятью метрами его бронированного тела и полукрытой пастью, где поблескивали острые клыки.

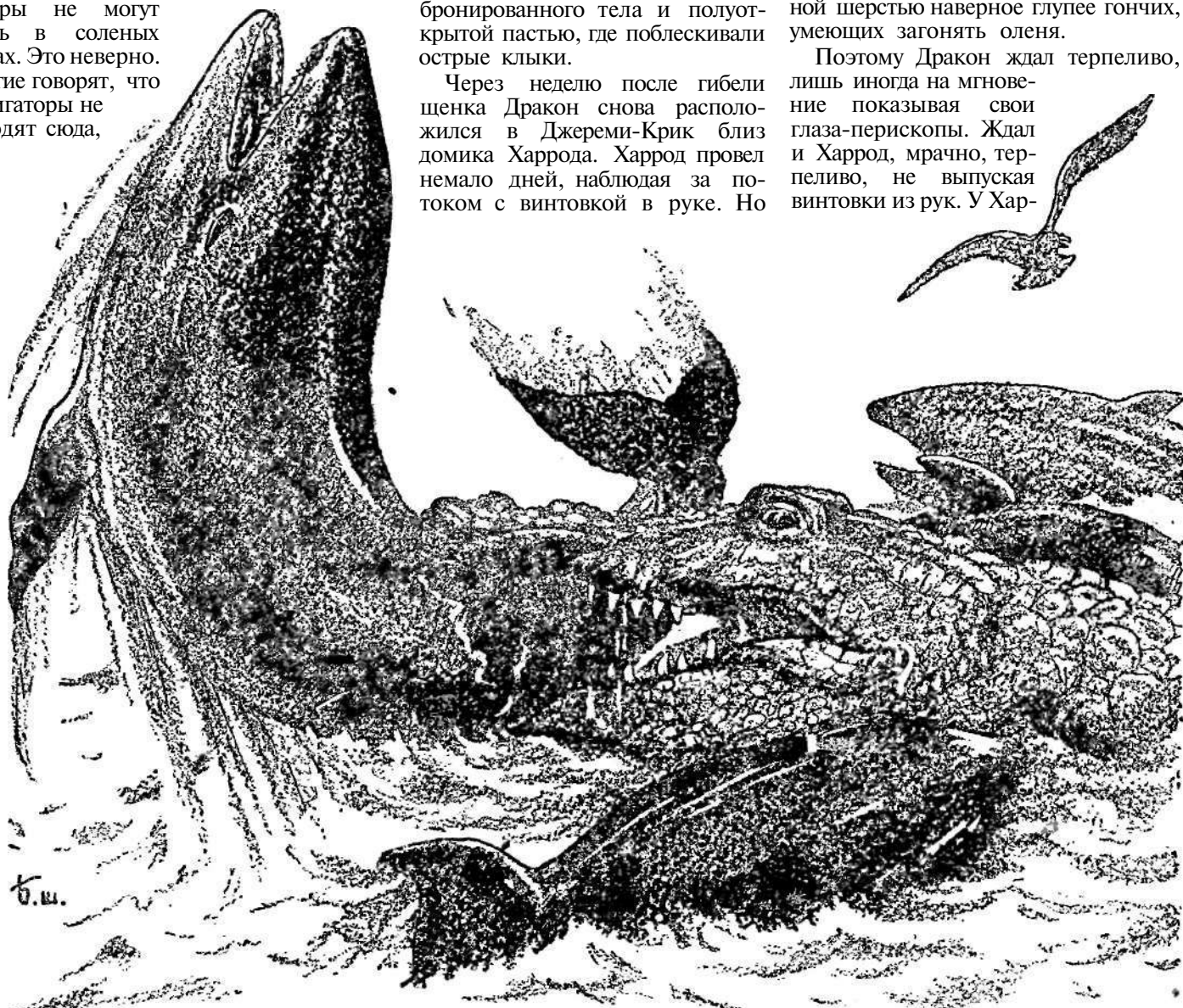
Через неделю после гибели щенка Дракон снова расположился в Джереми-Крик близ домика Харрода. Харрод провел немало дней, наблюдая за потоком с винтовкой в руке. Но

случай встретиться с Драконом все не представлялся.

Дракон, оставаясь невидимым, сам пристально наблюдал за человеком. Он неслышно всплывал, его глаз на мгновение показывался над поверхностью и снова пропадал. Раз-другой Харроду казалось, что он видел эти глаза — две странных черных выпуклости над водой, — но каждый раз, когда он скидывал винтовку, глаза исчезали.

Собственно говоря, Дракон интересовался не Харродом, а его собакой. Собаки были его любимым деликатесом, но достать их было очень трудно. В свое время он убил с полдюжины собак, чаще всего из числа охотничьих, гонявшихся вплавь за оленем, а теперь, проглотив щенка левеллина, крокодил почувствовал острое тяготение к собачине. Раз одна из собак Харрода рискнула войти в воду, — войдет и другая рано или поздно. Эта белая собака с длинной шерстью наверное глупее гончих, умеющих загонять оленя.

Поэтому Дракон ждал терпеливо, лишь иногда на мгновение показывая свои глаза-перископы. Ждал и Харрод, мрачно, терпеливо, не выпуская винтовки из рук. У Хар-



Черный гигант схватил зубами молодую

рода было одно преимущество: он мог разгадать намерения чудо ища. Он был уверен, что Дракон лежит здесь, в потоке, хладнокровно выслеживая другую собаку, и надеялся, что рано или поздно голод и жадность аллигатора одержат верх над его осторожностью. За собаку Харрод не боялся. Старый сеттер много лет прожил на плантациях и знал, какие опасности таятся в воде. И, несмотря на всю привлекательность ясных потоков, пес не доверял им.

Так ждал Харрод, и ждал Дракон, а дни катились за днями; инстинкт самосохранения огромного аллигатора не покидал его и успешно боролся с умом человека. Иногда Хар-

род сидел на берегу, и пес засыпал около него; тогда человек вставал и спокойно уходил, рассчитывая, что Дракон бросится на собаку, сидящую в нескольких шагах от воды. Но Дракон точно угадывал, что человек не ушел,

а притаился за холмом с винтовкой наготове; он не трогался с места. Потом старый пес просыпался и шел к хозяину.

Наконец мрачная игра пришла к концу. У Харрода кончился отпуск, он забрал собаку и вернулся в Тупелло-Крик. Дракон больше их не видел, и скоро воспоминание о них исчезло из его тугой памяти. Он не знал, что человек поклялся разделиться с ним, что Харрод — лучший стрелок плантаций — объявил ему войну, которую ничто кроме смерти не могло прервать.

А если бы и знал, это его не беспокоило бы. Другие люди тоже старались его убить. Дракон носил не одну свинцовую пулю под броневыми пластинками. Он научился бояться людей и был с ними крайне осторожен.

После ухода Харрода Дракон двинулся немного выше по потоку, где охота была лучше. Здесь он пробыл два дня. Он держался под самой поверхностью, разинув пасть, куда рыбки лезли сами, приносимые течением. Иногда попадался окунь, лещ или толстый карась, но все это была неинтересная, несытная мелкота. Ее можно было глотать сотнями, но удовлетворения от нее не было.

К концу второго дня аллигатору повезло.

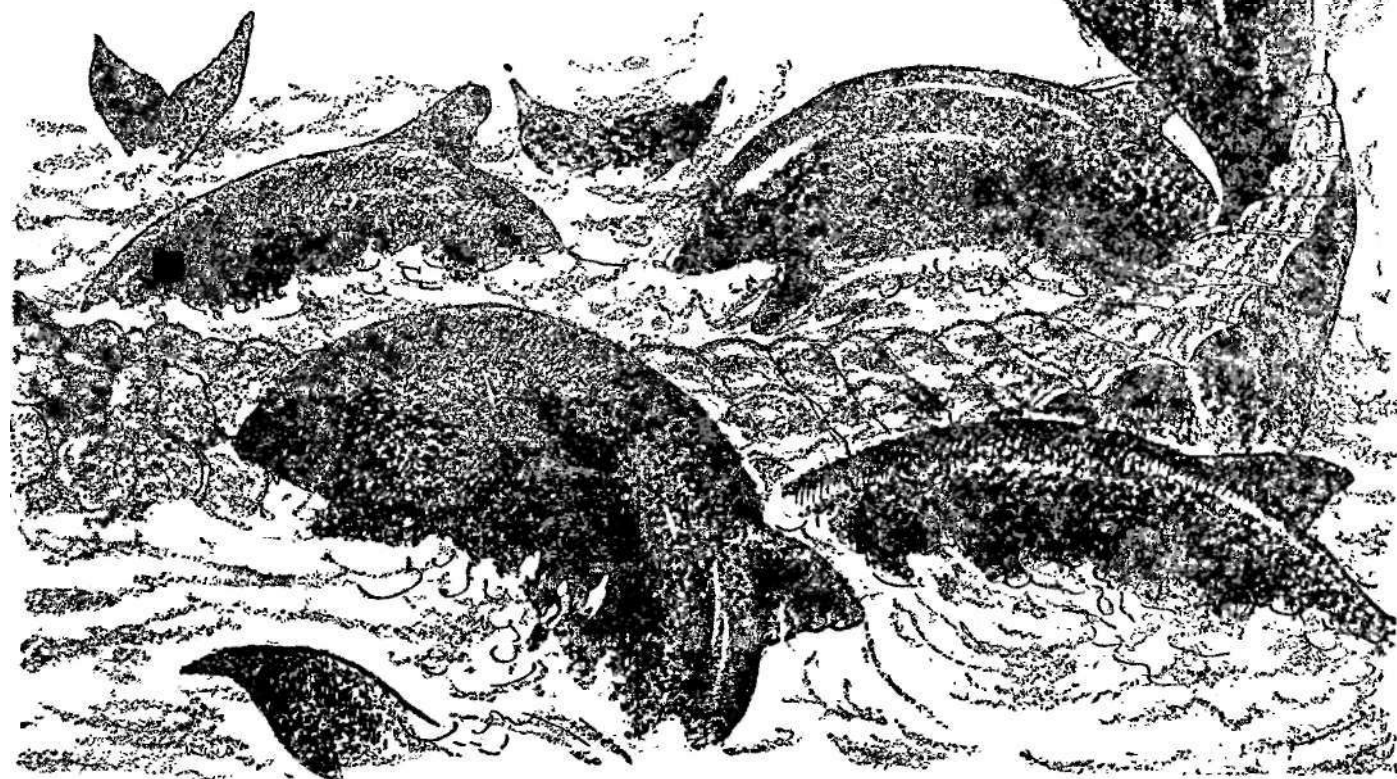
Берег здесь был низкий, покрытый засохшим илом. И вот на полосе ила приковывал енот в поисках крабов. Выпуклые глаза Дракона сразу за-

метили енота, и аллигатор двинулся поближе к берегу, выбирая места поглубже. Приблизившись к своей жертве, он взмахнул хвостом, и гигантские челюсти сомкнулись над пушистым зверьком.



В эту ночь, когда бледная луна поднялась над прерией, в воздухе снова почувствовалось дыхание осени. Всю ночь были слышны крики отставших птиц и криканье приставших на отдых цапель. Утро наступило пасмурное и ветреное. В соленой траве громко хохотали кулики; стадо за стадом снимались быстрокрылые каравайки; высоко в небе летел к югу последний косяк длинношеих ибисов. Дракон понял, что лето кончилось. Он еще не хотел удаляться в свое тайное логово, где проводил зимы, но все же в эти дни старался держаться вблизи логова.

Он позавтракал мелкой рыбешкой, потом



касатку и тряс ее, как собака трясет крысу..

повернулся против течения и с приливом медленно пустился в путь, выставив на поверхность только глаза и ноздри. Через несколько часов узкими извилистыми каналами о пробрался в широкую реку и спокойно стал отмеривать вверх против течения километр за километром, пока соленая вода не сменилась пресной, луга и рисовые поля, тянувшиеся вдоль берегов, не уступили место лесу.

Наконец перед ним открылось устье Тупело-Крика. На следующий день он подобно длинной бронированной субмарине двигался через узкий глубокий канал из травного русла Тугело-Крика в широкую лагуну Букхилл, окаймленную гигантскими кипарисами, километрах в десяти от дома Харрода на плантациях. Здесь окончилось его путешествие, и он расположился на отдых среди шести-семи себе подобных в спокойной воде цвета вина, недалеко от своего подземного логова.

Недели через две Харрод верхом на лошади ехал через сосновый лес; вдруг он вздрогнул, услышав отдаленный лай собачьей стаи, приближавшейся к нему. Это была первая охота на оленя в этом сезоне, и он должен был принять в ней участие, подчиняясь требованию нетерпеливых соседей, которые не могли дожидаться более холодной погоды для начала любительского спорта. Осень стояла погожая, но неровная, холода перемежались периодами тепла, и в общем было слишком тепло по мнению Харрода, чтобы зря гонять собак по болотам и лагунам. Но другие посмеялись над его опасениями, и Харрод, скрепя сердце, согласился и дал своих двух гончих в общую стаю.

Теперь он увидел, что его опасения недалеки от истины. По направлению бега своры он понял, что олень бежит к Букхиллу, самой опасной лагуне во всей окрестности. Всадники рассеялись по лесу, заняв все пункты, где мог бы пробежать олень, но этот олень видимо понесся прямо к Букхиллу, и на пути его, как знал Харрод, не было ни одного охотника.

Он натянул поводья и галопом помчался через лес, с трудом лавируя между огромными стволами. Он не мог уже перехватить оленя, но надеялся остановить собак и прекратить опасную погоню. Его псы были новичками на территории плантации; он только что выписал их из питомника в Виргинии. Увлечшись погоней, они легко могли последовать за оленем в опасные воды черной лагуны.

Не доезжая сотни метров до цели, Харрод понял, что опоздал. Он слышал, как собаки лаяли на берегу. Олень очевидно бросился в воду, и более опытные собаки не решились последовать за ним, но виргинские щенки бросились в погоню не задумываясь. Через минуту-другую перед Харродом развернулось зрелище, при виде которого у него крепче сжались губы и быстрее забилось сердце.

Семь собак метались и лаяли на берегу Букхилла. Оленя нигде не было видно. Повидимому он уже переплыл лагуну и пропал среди молодых кипарисов и низкого кустарника, росшего по ту сторону. На середине лагуны одна из гончих Харрода плыла прямо на кусты, и не больше чем в десяти метрах сзади и левее собаки Харрод увидел две черных выпуклости, быстро рассекающих зеркальную поверхность воды.

Харрод резко осадил лошадь, вскинул винтовку, — он всегда охотился с винтовкой, презирая двухстрелку, с которой обычно охотятся на оленей в стране плантаций. Шансы на удачный выстрел были ничтожны, потому что стрелку были видны только перископообразные глаза аллигатора, но он уверенно нажал курок. Грянул выстрел, и черные выпуклости исчезли. Харрод увидел, что на воде, где были глаза чудовища, медленно расплывалось маленькое красное пятно.

Долгое время Харрод не знал, были ли Дракон тем аллигатором, которого он подстрелил в тот день в лагуне Букхилл; он видел только глаза чудовища. Если его пуля и ранила смертельно аллигатора, то смерть все же не наступила мгновенно. Мертвый аллигатор всегда тонет, но часов через двенадцать-пятнадцать всплывает брюхом вверх. На следующий день Харрод приехал к лагуне, ко трупам не видел.

Дракон камнем пошел вниз, стукнулся о дно и лежал без движения. Из маленькой дырочки в голове, как раз позади глаз, медленно выходила густая кровь. Минут десять могло бы показаться, что жизнь покинула колоссальное тело, потом бронированный хвост зашевелился. Долгое время продолжалось это ритмическое движение хвоста, потом сразу, точно пронзенный электрическим током, гигант ожил.

Его хвост пенил воду, мускулы конвульсивно двигались, огромная пасть открывалась и закрывалась. Он двинулся вперед, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, поднимаясь на поверхность. Прямо как стрела стремился он к узкому

каналу, который вел в Тупело-Крик; этим каналом он прошел в Тупело, из Тупело в реку. Здесь он повернул вниз по течению и поплыл под поверхностью, выставляя над водою уродливую голову и три метра зубчатой бронированной спины.

Он сам не знал, куда плыл. Его охватила агония, она мучила его, огнем горела в его крови. Вся его осторожность пропала, весь опыт пошел насмарку. Может быть он избрал этот путь машинально, так как часто пользовался им в путешествиях из пресноводных лагун в заливы дельты.

Он плыл с каким-то ожесточением и все кругом видел через кровавую дымку. По временам он совсем терял зрение. Километр за километром оставлял он позади, и казалось, что силы его неистощимы. Боль несколько утихла, зрение прояснилось, но пуля Харрода раздробила черепную коробку аллигатора, может быть даже затронула мозг, и его охватило безумие.

Инстинкт, увлекавший его сперва по знакомому пути, под конец покинул его. Дракон проплыл мимо канала, соединявшего реку с Джереми-Крик, и устремился к широкому устью.

В дельте его встретили соленые белые волны океана. Он не дрогнул и устремился прямо в океан, огибая островки и мели.

Команда рыболовного баркаса «Джесси», вернувшегося в порт через несколько дней, рассказывала странную историю.

Стая в тридцать-сорок касаток резвилась вокруг баркаса, стоявшего на якоре километрах в десяти от устья реки, как вдруг среди стаи вынырнуло ужасное черное существо, точно гигантская ящерица, поднывавшая из бездны океана. Чудовище, которое по словам рыбаков было не меньше шести метров длины, атаковало касаток, касатки в свою очередь окружили его, начался бой, и вся вода побагровела от крови.

Долго длилась битва. Разъяренные бойцы перестали бояться людей и приблизились к баркасу. Дважды рыбаки с «Джесси» видели, как под водой раскрывались гигантские челюсти черного ящера; много раз взлетал над водой его могучий хвост. Один рыбак, взбравшийся на мачту, чтобы лучше видеть небывалое, сражение, видел, как черный гигант схватил зубами молодую касатку и тряс ее, как собака трясет крысу.

Все рыбаки подтверждали, что под конец черное чудовище было побе-

ждено. Касатки окружили его, как иногда они окружают больших акул, составив круг, головами внутрь, и тела их блестили как спицы колеса. Чудовище билось с невероятной яростью, но постепенно силы его стали иссякать. Касатки били его молниеносными ударами, таранили своими тяжелыми крепкими головами, рвали в куски короткими острыми зубами. Наконец чудовище погрузилось в воду, красную от крови...

Рыбаки были береговые жители, незнакомые с чудовищами внутренних вод. Они были уверены, что странный черный ящер, напавший на стаю касаток, был неведомый обитатель океанских глубин, которого никто и никогда до сих пор не встречал. Но Харрод, услышав их рассказ, сложил два и два и получил четыре. Конечно доказать этого он не мог, но был глубоко убежден, что его враг Дракон окончил свои дни.

хорошо, если бы Мога-Могунун, грозный дух леса, послал охотнику хорошую добычу! Тогда Тиерча пошел бы к люче, отдал бы им пушнину и привез бы много муки, из которой можно печь на углях такие вкусные лепешки. Ах, эти лепешки, при одной мысли о них во рту делается сладко! Но все-таки лучше о них не думать, потому что мысль о еде не только не насыщает, а еще более увеличивает желание есть. Кардуй глотает голодную слону и, чтобы как-нибудь подавить голод, закуривает трубку. Кстати: если бы Тиерча вернулся с хорошей добычей, то за пушнину кроме муки можно было бы получить еще и табак — настоящий крепкий табак, от которого так приятно туманит голову и которого так давно не курил Кардуй. Сейчас у него в трубке высушенные листья ерника, и хотя дым от этих листьев ни в какой мере не похож на дым от табака, все же это лучше чем ничего.

Да, плохие настали дни. И почему это дух смерти не берет Кардую? В прошлом году он взял его сына Нараму, отца Тиерчи, а между тем умереть надо было ему, Кардую, потому что Нараму еще мог

ТАЕЖНЫЕ БЫЛИ

Серия рассказов Ал. Смирнова

Рисунки худ. В. Сайчука

ПО ОБЫЧАЮ ПРЕДКОВ

Всю ночь над чумом плясали лесные демоны, швыряясь снегом в дымовое отверстие, но когда старый Кардуй открыл глаза, он уже не услышал их дикого воя. Пурга прошла, и огонь в очаге спокойно поднимался вверх, наполняя чум приятной теплотой.

Некоторое время старик лежал неподвижно, прислушиваясь, как трещат в очаге дрова, потом сбросил с себя медвежью шкуру и, опираясь на руки, выполз из своего угла на свет. Огонь горел ярко, но над ним не висел котел с варевом, а сидевшая тут же худая Атак была нема как истукан. Ее губы были так плотно сжаты, как будто она закрыла их навсегда. Может быть она уже обнаружила пропажу той рыбы, которую ночью украдкой съел Кардуй? Ну, что ж, он не чувствует раскаяния. Вчера Атак дала ему лишь несколько костей, на которых почти не было икса, а когда знаешь, что поблизости есть голодные люди, готовые кушать свою собственную руку, пищу надо прятать куда-нибудь подальше.

Впрочем старику так мало дали еды не только вчера, — он не помнит, когда ел досыта. Его внутренности всегда разрывает голод. И происходит это не оттого, что Атак жадна и не хочет кормить старика, а оттого, что ей нечем его кормить. В этом чуме давно уже все живут впроголодь — такая беда свалилась на Тиерчу, внука Кардую. Прошлую зиму зверя в лесу было очень мало, и добыча была плохая, а летом пришел мор на оленей: все подошли, только два осталось, на которых сейчас и уехал Тиерча в тайгу промысливать зверя. Теперь он скоро должен вернуться, потому что снега в лесу стало очень много, и гоняться за зверем трудно. Может быть вернется даже сегодня.

Кардуй сидит у очага, смотрит в огонь и думает о том, что принесет из леса Тиерча. Ах, как было бы



Кардуй, волоча за собой большие ноги, ползет в выходу...

ходить на охоту промысливать зверя, а Кардуй уже давно ни на что не годен. Руки трясутся, глаза почти ничего не видят, а ноги совсем отнялись, и он может передвигаться только ползком, с помощью рук. Духи сделали ошибку, сожрав не того, кого надо. Если бы Нарамы был жив, то пожалуй в чуме еды хватало бы всем, так как охотников было бы двое, а теперь одному Тиерче приходится добывать пищу для шести ртов. И это вовсе не легкое дело: рыбы в реках стало мало, а чтобы добыть зверя, надо много ходить по лесу. Видно зверь знает, когда он особенно нужен охотнику, — убегает подальше, чтобы не попасться ему в руки.

Такие мысли шевелятся в голове у старика, пока он сидит у огня. Снаружи слышны детские голоса — это его правнуки возятся там, кувыркаясь в снегу. Атак вся ушла в работу по шиванию оленьих шкур, из которых она хочет сделать для Тиерчи новые унты. Неужели она так и не даст старику чего-нибудь поесть? Он хочет открыть рот, чтобы спросить об этом, но тотчас же отказывается от своего намерения. Ведь ночью он съел целую рыбу, и может быть она у Атак была последняя, а если что и осталось, то прежде всего надо дать ребятишкам, — вот они с криками врываются в чум и лезут к матери, цепляясь за ее одежду. Они также просят есть.

Им, этим маленьким людям, нельзя, понятно, отказать, так как еда за ними не пропадет. Мальчишки со временем сделаются охотниками и будут добывать пищу не только для себя, но и для других, а девчонку, когда она подрастет, возьмет кто-нибудь в жены, и Тиерча получит за нее много оленей. Но разве у Атак в самом деле не осталось еды? Почему она не двигается с места? Ах, вот в чем дело — она не хочет доставать пищу при Кардуде. Это мудро: если человек дошел до такого состояния, что не может ручаться за себя, то не следует подвергать его лишний раз соблазну.

Кардуй выбивает золу из трубки и прячет ее за пазуху. Потом, волоча за собой больные ноги, ползет к выходу. В самом деле ему лучше не знать, где Атак прячет свои последние запасы пищи, да и кстати он посмотрит, не возвращается ли из леса охотник.

* * *

На пятнадцатый день охоты Тиерча подсчитал свою добычу: двадцать бедок, два горноста, три ушана и не-

сколько штук разной птицы. Для такой поры, когда особенно благоприятны условия охоты, это очень плохая добыча, но продолжать промысел не имеет смысла. Лес исхожен вокруг на большом пространстве, да и снега навалило по самый пояс.

Осмотрев еще раз ловушки, охотник приступил к сборам в дорогу. Сложил в сумы добычу, разобрал охотничий чум, навьючил оленей. Но погнал он их не в сторону своего стойбища, а в сторону Трех Ручьев, где находились стойбища Чунго. Тиерча решил заплатить ему долг, который числился за ним



«...Как быть со стариком?» — «Сам знаешь... наши предки были не глупее тебя...»

еще с лета, когда Чунго выгонял болезнь из его младшего сына. Правда, ребенок все-таки умер, но Чунго тут был ни при чем — духи не всегда слушаются шамана. Значит долг платить надо.

Было уже темно, когда Тиерча добрался до становища. Привязав к сосне оленей, он приподнял шкуру, прикрывавшую вход в чум. Шаман

сидел у огня и пил из деревянной чашки чай, заедая его ржаными лепешками. На гостя он не обратил никакого внимания, не повернув в его сторону даже головы, но того это ни капли не смутило. Он также молча присел к огню.

Отогрев над огнем руки, Тиерча осмотрелся. Вот это чум! Какого добра тут только нет: и пушнина,

и мешки с мукой, и ружья, и куски разноцветной материи. Хорошо живет Чунго. Ему не надо целыми днями гоняться за какой-нибудь белкой, как это приходится делать Тиерче, и он может все время сидеть у костра, ничего не делая. На то, впрочем, он и шаман. А как лесным людям обойтись без шамана? Кто будет отгонять от них злых духов? — Только шаман. Вот и сейчас: охотник хочет получить совет в одном деле, и этот совет ему может дать только шаман. А Чунго большой колдун: он умеет вылетать из чума через дымовое отверстие...

Старшая жена Чунго зачерпнула в котле чаю и подала Тиерче. В это время шаман вышел из состояния молчаливости.

— Откуда? — спросил он, закуривая трубку.

— С охоты. Промышлял маленько, — ответил Тиерча.

— Как удача?

— Шибко плохо! — покачал головой Тиерча. — Так плохо, что не знаю, как жить будем...

— За тобой еще долг есть, — напомнил шаман.

— Привез, — поспешил успокоить его Тиерча. — Как раз отдам тебе половину того, что добыл... Мало стало зверя в лесу.

— Мало, — равнодушно согласился Чунго и положил в огонь сухое полено.

— Хочу кочевать на Катангу, может там лучше будет добыча. Как думаешь?

— Что ж, поезжай. Может быть там и лучше.

— Не знаю только, как быть со стариком, — продолжал Тиерча. — У меня только два орона, а итти далеко...

Чунго поднял похожие на перепонки утиных лапок веки и скользнул взглядом по лицу своего собеседника. Потом снова уставился в огонь.

— Долго живет старик, — помолчав, сказал он.

— Долго, — вздохнул охотник. — А добычи нет... Кормить нечем...

Воцарилось молчание. Прыгая по стенам чума трепетными бликами, огонь жадно пожирал сухие поленья лиственницы. Женщины молча возились в углу с посудой. На улице ожесточенно грызлись собаки.

— Ну, так как скажешь? — оторвался от огня Тиерча.

— Я уже сказал. Поезжай на Катангу.

— А как быть со стариком?

— Со стариком? — шаман опять шевельнул утиными перепонками. —

Сам знаешь... Наши предки были не глупее тебя.

— Верно, байе, а все-таки жалко... Хороший старик...

Едва приметная усмешка скользнула по губам Чунго:

— А если жалко, так корми. Нечего тогда и говорить об этом.

Это было сказано таким тоном, что продолжать разговор было бесполезно. Да в этом не было и надобности: Тиерча затеял разговор о старике не для того, чтобы найти какой-нибудь другой выход, а лишь для того, чтобы получить согласие шамана на страшное дело. Все-таки на душе будет спокойнее. А другого тут ничего не придумаешь: Кардуй в его чуме — лишний рот, и ему, Тиерче, ничего не остается, как поступить с ним по обычаю предков.

Тиерча рассчитался с шаманом и двинулся к своему стойбищу. Показываясь на спине оленя, он думал о том, сколько дадут ему люче муки за ту пушнину, которая у него осталась. Выходило что-то мало, потому что мало было пушнины. Не хватит даже до новой луны. Да, ничего не поделаешь. Придется позвать к старику смерть раньше, чем придет она сама...

* * *

Все было готово к отъезду: олени запряжены, пушнина уложена. Тиерча помог Кардую взобраться на нарты и взял в руки каюр. Олени тронулись. Позади легла межа разрытого снега.

Лес был недвижим, и из его глубины не доносилось ни одного звука. Ветви деревьев гнулись под тяжестью кучты. Солнце в эти дни поднималось невысоко, и в чаще его не было видно, но когда выезжали на открытое место, нельзя было смотреть от ослепительного блеска. От оленей поднимался пар, оседая на их боках серебристым инеем, а на усах людей он превращался в ледяные сосульки. Тиерча время от времени спрыгивает с нарт и бежит рядом с оленями, но Кардуй должен сидеть неподвижно.



Тиерча подошел к спящему старику, положил рядом с ним его ружье и ткнулся лбом ему в ноги...

но, а поэтому ему холодно. Его оленья доха так же стара, как и он. Мороз щиплет пальцы ног, колет острыми иглами лицо, забирается за воротник и холодными лапками бегают по спине. Если бы под дохой была рубаша, было бы немного теплей, но ее пришлось снять перед отъездом: хотя рубаша очень стара, но Атак может сделать из нее что-нибудь для ребят.

От холода стынет не только тело, но и мозг — думать Кардую ни о чем не хочется. Даже о том, что ждет его впереди. Да и зачем думать, раз этого нельзя изменить? Не он первый, не он последний — таков обычай предков: раз человек так стар, что не может добывать себе пищу, то зачем его даром кормить? Он должен умереть, чтобы не отнимать последнего куса у тех, кто только начинает жизнь. Нет, над этим нечего ломать голову, хотя старик и знает, зачем Тиерча везет его в лес, — он сразу догадался, когда ему Белели собираться в дорогу.

И Кардуй безучастно смотрит по сторонам, не чувствуя ничего кроме ледящего холода. Смерть не представляется ему тем страшным призраком, которого так боятся жители городов, а потому он и не чувствует страха. Лишь немного хочется есть, хотя и вчера, когда Тиерча вернулся с охоты, и сегодня перед отъездом старику дали так много пищи, что он был почти сыт. Нельзя посылать человека в Страну Мрака, не накормив хорошенько, — его дух будет по ночам воровать из чужой пищу...

А лес по сторонам бежит и бежит, и нет ему ни конца ни края. И все покрыл пушистый снег, испещренный упорами: гот тут ставила лапки шустрая белка, эту дорожку провел крвснобровый глухарь, а там проложена настоящая тропа — это прошли длинноногие моты (лоси). Ах, если бы Кардую сбросить десяток лет, он пошел бы по этому следу... Может быть это сделает Тиерча? Ведь моты очень большой зверь, его мяса хватит надолго. Но Тиерче нечем стрелять, у него нет пороха. Вот обменяет у люче пушнину на порох и тогда пойдет добывать моты.

Видно и солнышку стало холодно — оно убирает с верхушек деревьев свои золотые одежды. Чащи темнеют, густеет сверху синева. По сторонам треск — это стреляют от холода деревья. Тиерча осматривается, выискивая место для остановки. Глубокая падь, почти чистая от леса, вполне подходит для этой цели. Прижав к холкам ветвистые рога и вздымая облако снежной пыли, олени мчатся по крутому склону.

Вот и конец пути. Олени пасутся в бору, раскапывая из-под снега ягель, а для людей варится в котле вкусный заяц. Хорошо после пути сидеть у костра, в ожидании пищи, а ее Кардуй получит много: ведь это его последняя еда перед новым далеким путем, из которого он не вернется никогда. Но взял ли Тиерча его ружье? — Взял. Отправляясь в Страну Мрака, охотник должен захватить с собой и ружье.

МЯСО ГОТОВО. Тиерча снимает котел, сливает воду и ставит перед Кардую:

— Ешь, старик.

Костер трещит — это Гелго, дух огня, просит, чтобы дали есть и ему. Кардуй отламывает трясушимися руками кусок мяса и бросает в огонь. Потом начинает есть сам. Тиерча будет есть сегодня только то, что останется после старика, а пока он приготовит ему место для ночлега. Идет к сугробу, вырывает в нем просторную пещеру, потом рубит еловые ветви и устилает ими снежную хижину. Старику будет хорошо — в снегу спать почти так же тепло, как и в чуме.

Горячая пища сделала свое дело — старик согрелся, и ему хочется спать. Забравшись в снежную нору, он тотчас же засыпает, а Тиерча садится к костру и доедает оставшееся мясо. Мороз усиливается. Лес погрузился в мрак, но в той стороне, откуда приходит всегда холод, кто-то зажигает огромный чудесный костер — разноцветные огни полыхают в небе. Светлозеленый и розовый лучи вонзаются в небо как копыя; дрожат и колышутся, точно ими управляет живая рука; потом сливаются вместе, и трепетное сияние заливают горизонт. Легко будет путь тому, кто

в такую ночь отправляется на охоту в Страну Мрака...

Чудо северных небес исчезло, а вместе с ним догорел костер и в таежной котловине. Тиерча поднялся. Подошел к спящему старику, положил рядом с ним его ружье и ткнулся лбом ему в ноги. Потом повернулся и пошел в бор собирать оленей...

* *
*

Кардуй проснулся от нестерпимого холода и долго не мог понять, почему не слышно потрескивания огня, который всегда горел при его пробуждении в чуме. Но собрав кое-как неповоротливые мысли, вспомнил, что он ночует не в чуме, а в лесу. С трудом повернулся, подполз к отверстию и выглянул из коры.

НОВЫЙ день занимался над падью, прогоняя из леса ночные тени. На месте вчерашнего костра темнела плешь обнаженной от снега земли с кучей пепла. А на склоне, где снег лежал нетронутый, залегли две борозды: одна — это их вчерашний след, другая, немного левее — ночью уехал Тиерча.

Кардуй сел на снег и долго бессмысленным взглядом смотрел на этот след. Холод леденил его тело. Хотя он и знал, что так и будет, но мысль отказывалась верить совершившемуся. А может быть Тиерча еще и вернется? И только когда муки холода стали невыносимы, угадал последняя искорка непокорной надежды.

Темная тень Страны Мрака коснулась старого охотника, и он не выдержал — из его груди вырвался крик, глухой и жалобный. Но бесстрастно смотрело сверху далекое небо, и на крик старика никто не ответил...

С КИНОАППАРАТОМ НА ЛОСЯ

(К рисунку на обложке)

Недалеко от озера Баумена на холме возвышалась сторожевая вышка. С нее открывался красивый вид на синюющие горы, склоны которых утопали в зелени лесов, на луга, покрытые цветами, и болота, раскинувшиеся вокруг озера.

Чуть покажется где-нибудь в лесу дымок и сизой струйкой потянется вверх, ваблю-датель¹⁾ Клейстон тревожно нагибается над картой, и неумолчно звенит телефон, разнося известия. Но лесные пожары случаются не часто, и Клейстон большую часть времени проводит в созерцании окружающей природы.

¹⁾ В Америке леса охраняются кадром специальных наблюдателей-лесничих, телефонирующих друг другу в случае лесного пожара.

Вглядываясь в синюющую опушку леса, Клейстон нередко с интересом следил за странными темными пятнами, которые отделялись от опушки и двигались по направлению к воде. Клейстону очень хотелось узнать, что это за животные. И однажды весной он слез в неурочное время с вышки и отправился на разведки.

Напрасно в тот день разрывался телефон — главный лесничий не мог добиться ответа. Тогда он надел лыжи и отправился узнать что произошло на вышке. Хотя он нашел Клейстона на месте, но свежие следы на снегу выдали наблюдателя. Клейстон попал на замечание за небрежное отношение к служебным обязанностям. Но он мало горевал об этом. В этот день он впервые встретился с лосем, огромным старым самцом. Таким образом тайна движущихся пятен была разгадана.



Лосиха с малышом.

В это время наш маленький отряд расположился лагерем неподалеку от вышки. Клейстон поделился своим открытием с нами, и мы загорелись желанием заснять на киноленту самца-лося, которого он так живо описывал нам.

Наблюдатель обещал нам дать знать, когда на опушке леса появится лось. Прошло несколько дней, а желанная весть не приходила. Мы подумали, что Клейстон забыл о своем обещании. Однако, чтобы не терять времени, на всякий случай решили все же заняться сооружением прикрытия.

Немного в стороне от реки находилось большое болото. Вокруг болота виднелись многочисленные следы лося. Между болотом и рекой врезывалась небольшая полоска суши, на которой росли десятка два карликовых сосен. Здесь-то мы и решили соорудить прикрытие. Деревья были настолько густые, что нам оставалось добавить несколько лишних сучьев, и прикрытия было готово. Мы трое свободно разместились в нем.

На соснах прыгали белки, пощелкивая орехами; пара нырков с целым выводком птенцов плавала по спокойной воде; мимо нас со странным визгом промчался какой-то зверок, но лось не показывался.

На следующее утро на рассвете мы высидели белохвостого оленя, который мирно пасся в болотной траве. По временам он поднимал рогатую голову и равнодушно поглядывал на нас: повидимому он считал себя вне опасности. Когда мы обирались уже возвращаться в лагерь, Билль вынул белый носовой платок и медленно взмахнул им несколько раз. Вдруг олень поднял хвост трубой и исчез в лесу. Мы спешили, потом расхохотались. Мы вспомнили, что олени в случае опасности предупреждают друг друга: они поднимают хвост вверх, и белая шерсть на внутренней стороне хвоста служит сигналом опасности. Повидимому наш олень принял белый платок за такой сигнал...

Прошло четыре дня. Наконец пришла долгожданная весть. Камеры, линзы, треножки — все было готово заранее. С бьющимся сердцем мы поспешили к прикры-

тию и осторожно спрятались в нем. Вдруг напряженный шопот Билля нарушил тишину:

— Тсс... из лесу показались лосиха с малышом.

Мы замерли, стоя на коленях у камер. Ветер дул в нашу сторону, и лосиха не чувствовала опасности. Небольшая группа карликовых деревьев казалась не вызывала в ней подозрения. После некоторого колебания она помчалась рысью к реке и бросилась в воду, малыш последовал за ней. Камеры зажужжали. К нашему удивлению лосиха не обратила внимания на этот необычный шум. Возможно, что плеск воды заглушил жужжание камер. Вскоре она вышла на берег. Приблизившись к нам метров на соток, она словно почувствовала опасность, метнулась в сторону и выскользнула из фокуса моей камеры, но Биллю удалось поймать ее в фокус своей. Лосиха подошла к болоту, посмотрела на воду, высунула язык и облизала губы. Станный звук, исходивший из группы сосен, видимо тревожил ее. Она повернулась и быстрой рысью побежала обратно к реке. Бросившись в реку, лосиха поплыла к другому берегу. Малыш храбро последовал за нею, но был отнесен течением в сторону и вылез на берег значительно ниже места высадки матери. Он догнал ее только у опушки леса.

Нам удалось заснять всю эту картину, и мы были в восторге.

День был пасмурный, срывался дождь. Нависшие свинцовые тучи порой расходились и открывали вершины гор, одетых белым пушистым ковром свежее выпавшего снега. К шести часам мы стали замерзать и готовы были уже вернуться домой, но Брауни вытащила откуда-то три апельсина и сандвичи. Подкрепившись, мы повеселели и решили подождать еще часок-другой.

Через полчаса терпение наше было вознаграждено. На опушке леса недалеко от нас появился самец-лось. Некоторое время он стоял прислушиваясь, потом медленно двинулся по направлению к болоту. Камера зажужжала. Сквозь переплет ветвей мне были видны огромные отростки лосиных рогов, которые то опускались, то подымались: лось пил воду из болота.

Внезапно лось насторожился. Повидимому он почувствовал, что в группе деревьев происходит что-то неладное. Он решительно направился к нашему прикрытию. Мы замерли. Лось стал вертеться вокруг, обнюхивать, пока не очутился против входа в прикрытия, Пови-

димому он заметил меня так как сердито замотал головой и зловеще зарычал. Сердце у меня учащенно забилось. Лось стоял, не сводя глаз с прикрытия.

Мы не осмеливались пустить в ход больше одной камеры, кроме того, мне надо было заряжать их кинолентами, а Брауни меняла линзы и передавала Биллю.

— Посмотрите на Билля,—зашептала она. Дурак! Он выходит из прикрытия как раз в том месте, где лось может увидеть.

Но Билль знал, что делал. Наше спасение заключалось в том, чтобы отвлечь внимание лося. Билль поднял запасную камеру на треножник и выставил ее на открытое место. Лось посмотрел на камеру и зарычал. Билль продолжал крутить ручку первой камеры.

Как только лента в первой камере кончилась, Билль потянулся за камерой, выставленной впереди, и нечаянно задел треножник, который с грохотом повалился. К нашему удивлению лось впервые выказал страх, подавшись на несколько шагов назад. Медленно огромное животное стало отступать, а Билль, выдвигая вперед треножник, следовал за ним.

— Билль хочет покончить самоубийством! — вырвалось у меня.

Но Билль правильно учел возрастающее чувство страха у лося и осторожно следовал за отступающим врагом. Камера его не переставала жужжать, а треножник по временам издавал скрипящие звуки, пугающие лося. Было очевидно, что лось взбешен, но в то же время и испуган чем-то, чего не мог понять. Человек и зверь медленно двигались к опушке леса. Вдруг лось оглянулся, боязливо посмотрел на Билля и скрутился в зеленой чаще деревьев.

Наконец-то мы были в безопасности и имели пятьдесят метров снимков с лося, единственный недостаток которых заключался в том, что мы снимали слишком близ-



Лось стоял, не сводя глаз с камеры...

ко: многие могут подумать, что снимки делались в зоопарке, а не в лесу.

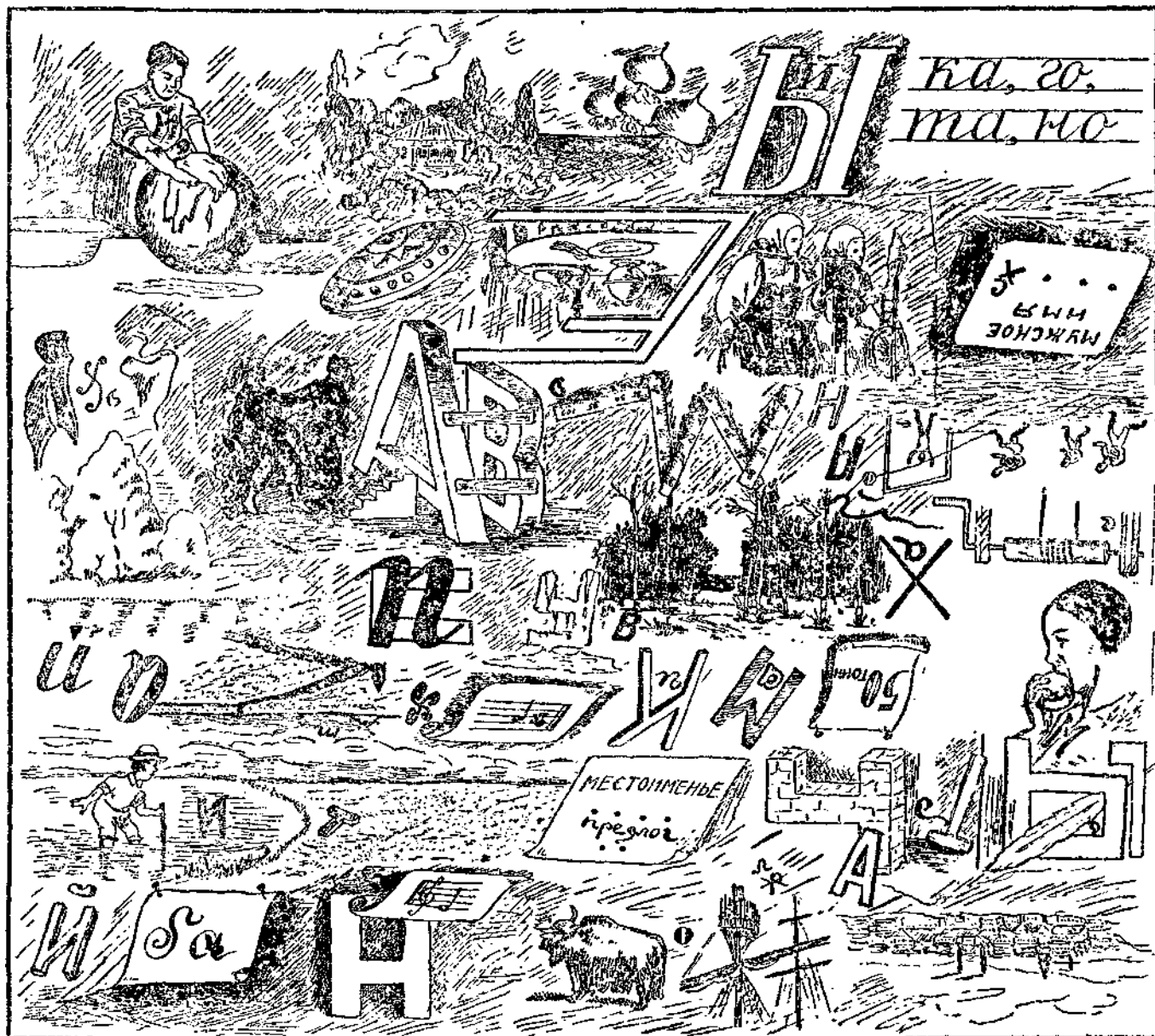
Было уже восемь часов вечера. Торжествующие, довольные, двинулись мы в лагерь, горячо обсуждая новый фильм с участием лося.

Н.Б.

К сведению подписчиков. 1. При высылке доплаты к переводу приклеивать адресный ярлык, под которым получается журнал. Подписчики, выписывающие журнал через почту и желающие получать издания под бандеролью с адресным ярлыком, могут высылать доплату переводом непосредственно в Издательство с указанием, что предыдущие взносы уплачивались на почте. 2. При всех обращениях в контору — к письмам приклеивать адресный ярлык. Всякие заявления (кроме перемены адреса, за которую необходимо прилагать на 20 коп. марок) рекомендуется писать на открытых письмах, адресуя их Москва С, ул. Герцена 12-а, Отд. период, изд. ЗИФа.

Шевем мозгами

Отдел ведет
Г. А. З.



ШАРАДА В РЕБУСЕ: Сперва прочтите стихотворение, изображенное ребусом, а затем разгадайте шараду, заключающуюся в восьми строках этого стихотворения. Ответ должен включать и текст стихотворения и окончательное решение.

СПИСОК КНИГ-ПРЕМИЙ ПО КОНКУРСУ ЗАДАЧ

1-я премия (одна): Вальтер Скотт — «Пират» (2 р. 5 к.), Жюль Верн — «600 миллионов Бегумы», «Архипелаг в огне» (2 р. 70 к.) и Станюкович К. — «Рассказы старого моряка» (2 р. 25 к.)

2-я премия (три): Олеша — «Три толстяка» (3 р. 50 к.) и Никифоров — «У фонаря» (2 р. 75 к.).

3-я премия (три): Шарль-де-Костер — «Тиль Уленшпигель» (3 р.) и Панов — «Тайна старого дома» (90 к.).

4-я премия (три): Кораблев — «Созерцатель скал» (2 р. 25 к.) и Бывалов — «Человек с палубы» (90 к.).

5-я премия (пять): Неверов — «Ташкент — город хлебный» (2 р.).

6-я премия (десять): Конан-Дойль А. — «Маракотова бездна», «Когда земля вскрикнула» (1 р.).

Всего 25 премий.

По желанию получившие премию могут заменить одно издание другим (приблизительно равным по цене) из книг изд-ва «ЗИФ», список которых будет опубликован в номере с результатами конкурса.

"СОВКИНТОРГ"

М. Гнездиновский, 7, тел. 1-67-62 и 5-81-63

ПРЕДЛАГАЕТ
В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ

ВСЕ ДЛЯ ФОТО И КИНО

МАГАЗИНЫ:

в Москве, Ленинграде, Ростове н/Дону, Свердловске, Самаре, Саратове, Орле, Владивостоке, Новосибирске, Н.-Новгороде, Ярославле, Баку, Иркутске, Красноярске, Сталинграде и Симферополе.

Прейскуранты по требованию БЕСПЛАТНО



МУЗЫКА

ДЕШЕВЛЕ И
ЛУЧШЕ ВСЕХ!

БАЯНЫ 40 клав., 70 бас., — 225 и 250/49 кл., 90 бас., — 300, 350 и 400 руб. ГАРМОНИИ, 2-ряды, в 35, 40, 45, 55, 65, 75, 85, 100 и 150 р. ГИТАРЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. МАНДОЛИНЫ в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 рублей.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. ВЕЛИКОУС. ОРКЕСТР.

Прейскурант за две 10-ком. марки высылает
1-е МОСКОВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ Т-ВО
Н. Т. Аврилов, А. К. Соколов и К°, Москва, Покровка, 55/В.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую или кану, так и старую выс. налож. плат. в 3-дневн. срок, магази ВКСРС. Москва, Кузн. Мост, 20. Каталог по физкультуре и бухгалтерии выс. по получении 15 к. почт. марок.

ХУДОЖЕСТВЕННО ПОРТРЕТ

УВЕЛИЧЕННЫЙ КАЖДЫЙ, любую ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТОЧКУ. Цены: 11x24 см.—5 р. 50 к., 24x30—7 р., 30x40—10 р., 40x50—16 р., 50x60—20 р. Тон селен (коричнев.) на 25% дороже, в красках на 50% дороже.

Агентам и фотографам скидка. Заказы выполняются быстро и аккуратно. Высыл. налож. платеж. без задатка. Оригиналы возвращ. Худож. ателье «ФОТО-АРС», Москва, пр. Худож. театра, д. 1, и. 15. Заказы направлять: Москва, 9, почтов. ящик 346/с. А. М. Рубинштейн.

САМООБРАЗОВАНИЯ

И ПОДГОТОВКА В ВУЗЫ

Полн. курс физики и химии (950 стр.)

Гос. Учен. Сов. В. Г. Фришман

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ УЧЕБНИК

ФИЗИКИ И ХИМИИ

Общедоступн. ясное излож., спец. вопросы и 900 рисунков гарантируют быструю успешную усвояемость. Ц. 3 р. Выс. нал. полн. курс проф. Давыдова (504 стр.)

перераб. и доп. 24 изд. Выс. нал. пл. 2 р. в перепл. с перес. Москва, Мохомая, 22/В

Кооп. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ»



МУЗДЕПО

Всерос. Центр. Совета О.Д.И.

ГАРМОНИИ вески, двухр. 21 клав. 12 басов 45, 50, 65 и 75 р. 23 клав. 12 басов. 75, 85, 100, 110, 130, 150 и 175 р. Полувеи. 28 и 34 р. Невск. 3, 4 р. 50 к. и 8 р. 50 к.

ГИТАРЫ 18 21, 23, 25, 28, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60, 65 и др.

МАНДОЛИНЫ 13 р. 50 к., 18 р., 22 р., 23 р., 30 р., 35 р. и др.

БАЛАЛАЙКИ

4 р. 75 к., 6, 7, 8 р. 50 к., 10, 12 р. 50 к., 15, 18 и др.

БАЯНЫ и духовые инструм. по каталогу и росл. и загран. фирм

Москва, Тверская, 24/В, тел. 1-88-30. Иногородные заказы выполняются по получении задатка 1/3 стоимости, остальн. наложенным платежом. Упаковка и пересылка за счет покупателя.

Немецкий язык

изучайте по самоучителю Б. Шмелева, в 10 вып., составлен по методу Мертнера, не треб. заучив. слов и правил. Доп. Гос. Учен. Совет. Ц. 2 р. 85 к.

ПИСАТЬ ЧЕТКО И КРАСИВО

быстро научитесь по руководству М. Калмыкова. Курс в 40 упражн. Цена 1 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК

ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

Одобен Ленингр. Сов. Физкультуры. Выше 500 стр. 100 рисунков.

ВСЕ ВИДЫ СПОРТА

Цена 2 р. 90 к.

В. СЕРЕЖНИКОВ

САТИРА И ЮМОР

Сборник лучших сатирич. и юмор. произв. прошл. и нов. врем. для чтения и деклам. 330 стр. в перепл. 2 р. 35 к.

135 ФОКУСОВ ЗАБАВ

занимат. опытов в клубе и дома по книге А. Мирлеса «Физика в развлечениях». Рекомендовано ГОСУСМ. 138 стр., 186 рис. Ц. 1 р. 75 к.



АЛЬБОМ

РИСУНКОВ ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ

составил С.Тверской

32 табл. бол. форм. на от-дельн. листах с прилож. 12 шт. иллюст. Ц. 3 р. 50 к.

Все цены указ. с пересылкой. Заказы и деньги направлять: Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННИК»

Москва, ул. Герцена, 31/12.

ПОЛНЫЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

(Первая цена без переплета, вторая—в переплете). Андреев 5—7 р. Бунин 2—3 р. 0 к. Боборыкин 4—6 р. Берсеев 3—4 р. Гамсуи 5—7 р. Гаршин 1—2 р. Гаушман 2—3 р. Гоголь в пер. 4 р. 50 к. Горбунов 1—2 р. Гончаров 6—9 р. Григорьев 5—8 р. Давидовский 5—9 р. Длиннен 15—25 р. Достоевский 12—17 р. Жуковский 2—3 р. 50 к. Ибсен 3—5 р. Измаев 3—1 р. 50 к. Короленко 6—9 р. де-Ностер 50 к.—1 р. Нуприх 8—11 р. Лесков 5—9 р. Лермонтов (с иллюстр.) 3—4 р. М.-Сибиря 10—16 р. Майков 1—2 р. Метерлинь 1—2 р. Мей 75 к.—1 р. 30 к. Писемский 5—9 р. Помяловский 1—2 р. Ростан 1—2 р. С.-Щедрин 6—9 р. Сервантес «Дон-Кихот» 2—3 р. Сенкевич в пер. 20 р. Станюкович 7—10 р. Тургенев в пер. 13 р. Тютчев 50 к.—1 р. 50 к. Успенский 3—6 р. Фет 1—2 р. Ш.-Михайлов 8—12 р. Гарин 3—7 р. М.-Печерский 5—9 р.

РОСКОШНЫЕ ИЗДАНИЯ

Новый энциклопедический словарь. 29 т., в пер. 25 р. (больше не выходило) (Брокгауз). Промышленность и техника, 10 томов в роскошн. переплетех 25 р. («Просвещение»). Понровский. Русская история, 5 т., в пер. 25 р. (Мир). Ежегодник Общества архитекторов-художников, 10 том., 69 р. Гнедич. История искусства, 3 т. в пер. 18 р. (Маркс). Баумгартен. Эллиническая культура, в пер. 5 р. (Брокгауз). Неллер. Жизнь моря. Животный и раст. мир моря, с табл. в красках, в пер. 5 р. (Депрента). Бенуа. История живописи всех времен и народов, 22 вып., 20 р. («Шиповник»). Монассан. Собр. сочинений 30 т., в пер. 60 р. («Шиповник»). Шенспир. Венецианский купец. С рис. в красках Литтона, в пер. 7 р. Грабарь. Иллюстр. монументальной «Врубель М. А.», в пер. 6 р. Антони Ван-Дейк и его избранн. произведений «50» фотографир. в пер. 10 р. (Сунорина). «Техническая энциклопедия», 8 томов, в пер. 60 р. («Просвещение»). Большой энциклопедический словарь, 66 томов, в пер. 90 р. (Брокгауз). Миттер. История живописи XIX века, 10 р. («Знание»). Художн. История ташев, 3 т., в пер. 35 р. «Еврейская энциклопедия», 16 т., в пер. 35 руб. (на русском языке). Гельмгольд. Земля и ее народы, 4 тома, 8 р. (Сойкина). Гаане. Мир животных Европы, их жизнь и нравы, 3 р. Цены без пересылки. Высылает наложенным платежом до 10 руб. без задатка. Выше—задаток 30%—маленьким магази А. С. СТЕПАНОВА. Ленинград, 23, просп. Володарского, 31—45.

ВНИМАНИЕ

Кнейп — Мое водолечение, испробованное в течение 40 лет. 1 р. 25 к. Фрунзен — Как не стариться. 95 к. Рудинский — Лечение солнцем туберкулеза. Песодский — Технический карманный справочник для технико-строителей. 2 р. 20 к. Песодский — Столярное ремесло, с 407 рис. 3 р. 50 к. Рудь — Хозяйка-кулинария, 1750 рис. 3 р. 50 к., в пер. 4 р. Бродерсен — Самоупитель фотографир. 4 части с многими рис. и фотоприемниками. 2 р. 50 к. Миллер — Моя система—15 минут физкультуры в день. 1 р. 10 к. Горчаков — Опытный рыболов-любитель. 1 р. Высыл. мал. плат. ки. магаз. «Техника и медицина». Бр. Г. и И. Пукерман, Ленинград, пр. Володарского, 55/В.

ГОСУДАРСТВ. ПОЧТОВО-ПОСЫЛ.

предприятие

„УНИВЕРПОЧТ“

Москва, 12, Москворецкая, 24/СБ

В КРАТЧАЙШИЙ СРОК ВЫСЫЛАЕТ

ВСЕ ДЛЯ ФОТО

Пластины, бумага, химикаты, бланки, паспорты, снимки, рамки и проч. принадлежности.

ФОТО-АППАРАТЫ

высылаются по запросу, по мере их поступления. Зак. выполн. на сумму не ниже 5 р. по получ. задат. 25% от остальн. наложен. платеж. Упаковка и пересылка по действит. цене за счет заказчика. Полный иллюстр. универсальный прейскурант 60 к.

ИСПРАВИТЬ ПОЧЕРК И НАУЧИТЬСЯ КРАСИВО ПИСАТЬ

можно, приобрев руководство И. Абросимова

С приложением прописей цена 2 руб. 90 коп.

Заказы адресовать Москва, Цветной бульвар, д. 25/3.

Моск. Научное Издательство „НАУКА“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЧТОВО-ПОСЫЛ. ПРЕДПРИЯТИЕ

УНИВЕРПОЧТ

Москва, 12, Москворецкая, 24/СБ. в выемнот в кратчайший срок

ВСЕ ДЛЯ СПОРТА

Бутки футбольные белые 1 пара 9 р. 90 к. Гамаки разные 4 р. 40 к., 5 р. 90 к. и дорож. Горюхи компл. 4 р. 40 к., 7 р. 40 к. и 9 р. 35 к. Градаты для метания шт. 1 р. 45 к. Диски разные от 7 р. 40 к. до 9 р. 35 к. Крокетки компл. от 8 р. 25 к. до 12 р. Мячи для тенниса шт. 2 р. 75 к. Насосы футбольн. шт. от 2 р. 50 к. до 3 р. 60 к. Перчатки футбольн. пара 9 р. 35 к. Покрывшки футбольн. № 4, 5, 6 шт. от 5 до 8 р. Трусы трикотаж. от 1 р. 32 к. до 1 р. 95 к. Купальн. костюмы от 2 р. 05 к. до 2 р. 50 к. Майки от 1 р. 56 к. до 2 р. 15 к. Сетки натуральные шт. 1 р. 05 к. и все принадлежности для спорта. Вытовка мелкоклуб. «ТОЗ» 50 р. 60 к.

ПРИМЕЧАНИЕ: м/к, винтовка высылается отдельным гр. по получении разрешения адм.отдела райн. волисполкома. Стрелк. и охотничий организац. высылается без разрешения.

Заказы выполняются наложен. платеж. по получении задатка 25%. Упаковка и перес. по действ. цене за счет заказчика. Полный иллюстр. универсальный прейскурант—60 к.

ЖЕНЩИНЫ!

Если вы хотите сэкономить деньги и вкусно приготовить пищу, приобретите наст. повзрзную книгу АННИ. Растит. молочн. стол. Меню 500 разн. питат. вегетарианск. и диетическ. блюв. (завтраки, обеды, ужины, десерты, печенье и пр.). 11. 1 р. 50 коп., в перепл. 1 р. 75 к. Высыл. наложен. плат. Москва, Политехнич. музей, 110/в. «КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ».



«ВИКТРИКС»

новая увлекат. игра шахмат. фигурки на доске в 100 мм. участ. новые фигурки: пулемет, самолет и танк. Тактич. сведения написаны военн. академ. А. Д. Шемякин. Игра допущена Наркомздравом в курорт., санатор. и общежит. Цена 5 руб., в дер. короб. 6 р. Высылается мал. плат. без задатка. Перес. за 1 1/2 кило. Ленинград, ул. Некрасова, 58, кв. 47. Изобретат. А. Н. Петров.

НОВЫЙ АЛЬБОМ

содержит: 32 листа соедин. чертежей, 3 листы неоний частей, 4 листа фотогра- 500 дета- 18 гарнитур

МЕТБЕЛИ 4 фий, окол 500 дет- 18 гарнитур

Соотавили л. дупликий и к. муселиус

Высылает наложенным платежом. Книжный магазин А. С. Степанова. Ленинград 28, пр. Володарского, д. 31/В.

НОТЫ

РАЗНЫЕ, ВЫСЫЛАЮТСЯ СРОЧНО НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

КАТАЛОГИ всех издательств, НОТНАЯ БУМАГА

лучшего качества—4 1/2 к. лист, малый формат—3 к.

НОТНЫЕ ПАПКИ. Акк. 0-во «МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА», Москва; Издательский Дом, 50.

Всер. Акционерное О-во



М. Гнездинковский пер., 7.

«СОВЕТСКОЕ КИНО»

ВЫПУСКАЕТ ПОПУЛЯРНЫЕ КУЛЬТУРФИЛЬМЫ:

1. ВОРОТА КАВКАЗА

(ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА)

Руководитель Ник. ЛЕБЕДЕВ
Оператор Иван БЕЛЯКОВ

3. ПО РЕКЕ КУБАНИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК в 6-ти част.

Руководитель Я. П. КОРНИЛЬЕВ
Оператор Н. ЮДИН

2. КАРАДАГ

(ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОЧНОГО КРЫМА)

Руководитель А. ЖАРДИНЬЕ
Операторы Евг. ЕФИМОВ и Ю. СЕРЕБРЯКОВ
Научный редактор проф. Д. В. СОКОЛОВ

4. БОЛЬШЕ СОЛНЦА ДЕТЯМ

(БОРЬБА С ТУБЕРКУЛЕЗом В ДЕТСКОМ
ВОЗРАСТЕ)

Снято под руководством д-ра КУРТА КЛАРЕ

Производство «СОВКИНО»

САМООБРАЗОВАНИЯ и ПОДГОТОВКИ

Полн. курс физики и химии (950 стр.)
сост. по новому методу реком.
Гос. Учен. Сов. В. Г. Фомин

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И УЧЕБНЫЕ ФИЗИКИ И ХИМИИ

Физика: 1000 рисунков, спец.
вопросы и 900 рисунков спец.
теории. Быстро усваивать.
Химия: 1000 рис. и 2000 стр.
Моск. Меховал, 22/8
Моск. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ»

ЭЛЕКТРОМОНТЕР

Практик—руководит. по устр.
домового электр. освещ. и для
САМОУЧЕНИЯ инж. Г. Шведер —
131 стр. 135 рис. 11, 2 руб. 35 к.
с пересылкой. Высшая. малож.
плат. Акц. О-во книжной торг.
Ленинград, внутри Гост. Двора,
№ 123/БС.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ заочного преподавания **БУХГАЛТЕРИИ**,
состоящие в ведении Горюхиной. Подробно за 10 коп. марку.
Адрес: Ростов-на-Дону, Казанская ул., 87. Никитин А. А. 37/9

Новое изобретение гигиены и физкультуры



1) **АУТО-ДУШ**. Удобн. ручн. прибор для
масс. водн. струи, согл. совр. научн.
дан. лучш. сред. для укрепл. организма. Этот
холод. душ, закал. тело, улучшает. кровообр., пи-
щевар. и нервн. сист., удал. полноту и сла-
бость. Ауто-душ может применяться всегда
и везде (дома, в муз., на даче) без лишн.
затрат. 11 на 10 руб.
2) **«ВАССЕР-МАССАЖ» аппарат**
для массиров. лица по амер. методу водой:
устрани. морщ., приобл., преждевр. постар. и
придаст свежесть и белизну. Цена 5 руб.
3) **«УГР-ФОР»**. Прибор для самоотж.
удален. угрей, прыщ. и сальн. кожи. 11, 2 р. 50 к.
Высш. мал. плат. по получ. 2 р. заплата. Заказы направляйте:
МОСКВА, 9, почтов. ящик 1260/В, «САНИТАС», М. С. Езер-
ская. Ул. Боровского, № 1/А.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

НАША КУХНЯ

Свыше 500 всевозможных гото-
вых рецептов обедов, закусок,
печений, варений, конфет, на-
питков, квасов, настоек, нали-
вок, ликеров, и мн. др. Под
редакт. Е. Шацкой. Цена с
перес. 1 р. 80 к. Книжн. склад
«ИНГОСБЫТ», М. Невенко и К°
Москва, ул. Герцена, 15/21.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ РЫБО- ЛОВНЫМИ ПРИНАДЛЕЖ- НОСТЯМИ

В. А. Баканова
Высылает иллюстр. каталог
сезона 1929 г. за 4 десятикоп.
почтовые марки. Москва, центр,
Сухарецкий рынок, № 717/В.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ

2-32-36

и ВАМ явится уполномочен-
ный для приема объявлений
в журнал

== «ВОКРУГ СВЕТА» ==

ЖЮЛЬ ВЕРН:

ЛЕДЯНОЙ СФИНКС. Роман 309 стр., ц. 2 р. 20 к.

ВАЛЬТЕР-СКОТТ:

КЕНИЛЬВОРТСКИЙ ЗАМОН. Роман 472 стр., ц. 2 р.

ФЕНИМОР КУПЕР:

ШПИОН. Роман 223 стр., ц. 1 р. 25 к.

В. Г. ТАН

Охотнич. рассказы
316 стр., ц. 2 р. 25 к.

А. БЕЛЯЕВ

Человек-амфибия.
Роман
212 стр., ц. 1 р. 10 к.

З. МИНДИН

«На Красном»
279 стр., ц. 2 р. 50 к.

А. АЛТАЕВ

Бунтари в Сибири
Роман
296 стр., ц. 2 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:
ОТД. КНИГОТОРГОВЛИ ИЗД-ВА

«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»
Лубянский пассаж, пом. 60.